

Ищите, женщины!

**Свадебное платье
мисс Холмс**

роман

**НАТАЛИЯ
МИРОНИНА**

Счастливый билет

Наталия Миронина

Свадебное платье мисс Холмс

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Миронина Н.

Свадебное платье мисс Холмс / Н. Миронина — «Эксмо»,
2016 — (Счастливый билет)

ISBN 978-5-699-87439-2

Старшая сестра Анастасия положила свою жизнь на то, чтобы осуществить мечту младшей, Лиды: открыть свой дом моделей. Зарабатывая всеми возможными способами, она оказывается в одном странном месте. Запертая в четырех стенах, за неплохие деньги Настя сочиняет какие-то тексты... И однажды узнает, что один из них стал самой популярной книгой сезона! Попытки связаться с автором, указанным на обложке, ни к чему не приводят. Продолжая свое расследование и одновременно занимаясь подготовкой к Неделе моды, где непременно должна блеснуть Лидина коллекция одежды, Настя знакомится с мужчиной, который может иметь к разгадке истории с книгой хоть какое-то отношение...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-87439-2

© Миронина Н., 2016
© Эксмо, 2016

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	13
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	41
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Наталия Миронина

Свадебное платье мисс Холмс

© Миронина Н., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

Пролог

Я сидела в первом ряду и пыталась вспомнить, сколько метров этот самый чертов «язык», этот узкий помост, по которому наматывают километры манекенщицы. Я пыталась вычислить, сколько раз прошли по нему наши модели, высокие худые девушки в этих своих клетчатых юбках и брюках, прежде чем попали сюда, в старинный парижский дворец. Я знала, что все равно собьюсь со счета, все равно не припомню, все равно это прошлое сольется у меня в один длинный промежуток времени, за который мы пережили столько хорошего и плохого. Я понимала, что эта неожиданная сиюминутная страсть к цифрам и точности просто способ отвлечься, не дать себе пустить слезу от умиления и восторга. Сентиментальность, совсем мне несвойственная, накрыла меня именно сейчас, когда сестра вышла в окружении моделей, чтобы принять свою часть успеха. Она ее заслужила, отработала, отжила. Я отлично понимала, что сестра сейчас не видит зал, не видит людей, вставших поприветствовать ее. Скорее всего она видит нас тех, давних, совсем еще юных, преодолевавших преграды и поставивших на карту все, что у нас было. Скорее всего она вспоминала то прошлое, которое воспитало нас, сделало сильными и привело к успеху.

Глава 1

Маленькое синее платье

Вообще-то ничего удивительного в нашем выборе не было. Недаром говорят, что жизнь сама продиктует все – только успевай записывать за ней. Лида в определенном смысле была невезучая – она была моей младшей сестрой и донашивала всю одежду, из которой я выросла. Обновки покупать нам обеим семье было не по карману. Впрочем, нашей семье порой и молоко не по карману было купить. Фраза: «Девчонки, макароны разогреете, банку с огурцами откроете!» – звучала часто. Наш маленький городок, расположенный чуть в стороне от трассы Москва – Питер, был обречен на макароны с солеными огурцами. Производство химической добавки к моющим средствам было прекращено, заводик умер, население города разбежалось в прямом смысле слова. Остались малые, старые да пьяные. Наши родители относились к категории старых и пьяных. Их знал весь город – хмельные драки, беготня по улице друг за другом с угрозами, вечные долги – все это была семья Боярцевых. Но, вспоминая прошлое, я даже и помыслить не могла о претензиях к ним, нашим несчастным родителям. Они оказались слабыми, а жизнь в наших местах ужасала своей серостью, грязью и никчемностью. И это было еще более заметно, поскольку совсем рядом находились два города, достаточно богатых и с большими возможностями. Путешествуя на автомобиле из одного города в другой, путник брезгливо удивлялся не пустым или заколоченным магазинам, а грязным заборам, облупившимся фасадам и раздолбаным дорогам. Впрочем, этому удивлялись и мы, жители этих городов, но привести все это в порядок было выше наших сил. Казалось, жизнь уже здесь никогда не восстановится, а потому и нечего время терять. Гораздо выгоднее сбежать. Одна я уехать не могла. Сестра Лида была моим ребенком, поскольку у родителей, считай, нас уже не было. Они существовали в своем мире, который был населен либо прекраснодушными людьми, либо исчадиями ада и врагами. Все зависело от того, сколько родители выпили за день.

– А как мы будем жить? Там, в Москве? – Сестра волновалась и бесконечно перешивала старые тряпки. Ходить было не в чем в буквальном смысле слова.

– Главное – уехать! Все остальное – приложится. Будем вместе. Ты поступишь в училище. Научишься профессионально шить. Я пойду работать.

– А учиться?

– Некогда. Учиться будешь ты.

– Но чтобы устроиться на работу, надо что-то уметь. Что ты умеешь?

– Многое. Мыть посуду, убирать, готовить, сажать капусту, солить огурцы, читать с выражением...

Я пыталась шутить, но сестра была права. Получать хоть какие-нибудь приличные деньги можно было за квалифицированный труд. Я же действительно ничего особенного делать не умела. И к тому же в отличие от моей сестры мое хобби никак не могло принести мне доход. Я любила читать и читала абсолютно все, что попадалось под руку. Книги – единственное, что осталось у нас в доме с благополучных времен. И как ни странно, мать с отцом не пытались их продавать. Иногда, впрочем, я замечала прорехи на полках, но догадывалась, что это не родители взяли книги, а кто-то из их знакомых. Естественно, книги тащили, чтобы продать, а не для того, чтобы читать.

– И куда ты с таким умением – просто читать? И с одиннадцатью классами? – не отставала Лида от меня. И в этих вопросах я слышала беспокойство не только за меня, но и за наше общее будущее.

– Куда угодно. – Я прекращала разговор, но ночью мучилась от вопросов. Заколдованный круг бедности и отсутствие возможностей доводили меня до иступления. Надо было хотя бы

выучить сестру. Я отвечала за нее. Общим нам учиться было невозможно. И нужны были деньги – а их без нормальной работы не получишь. На отъезд в Москву тоже нужны были деньги, как и на то, чтобы снять там квартиру. А скопить их почти не получалось. Повторяя классическую фразу: «В Москву, в Москву!», я засыпала лишь под утро, стараясь не прислушиваться к шуму на кухне, где обычно выпивали родители.

Вспоминая сейчас те дни, я удивляюсь лишь тому, что перемены меня пугали гораздо меньше, чем их отсутствие. А еще я почему-то была уверена в себе, в своих силах, несмотря на то, что не имела каких-то серьезных навыков или талантов. Одним словом, мне казалось, что Москва обязательно полюбит несчастных сестер – почти сирот.

Уехали мы гораздо раньше, чем планировали. Это был июнь, канун выпускного вечера у Лиды в школе. Школа была маленькая, всего один класс, но вечер устраивали пышный – с большим ужином, танцами, поздравлениями.

– Представляю, в чем все придут! – Лида о своем выпускном платье начала волноваться за три месяца.

– В чем?

– Ну, узкая юбка, декольте, ажурные колготки. Бордель, одним словом.

– А ты в чем пойдешь?

– Я в платье. В красивом и строгом. Но дорогом.

Я тогда промолчала, подумав, что хоть мать и пообещала Лиде помочь с деньгами перед выпускным, но сестра была уже достаточно взрослой, чтобы понимать, что верить родительскому слову нельзя, и прилив материнских чувств мог означать только одно – изрядное количество выпитой водки.

– Ты не поняла, – Лида заметила сомнение на моем лице, – я сошью себе платье. Такое, какого ни у кого здесь нет и не будет.

– Из чего шить будешь? Надо съездить ткань купить.

– Нет, я переделаю школьный сарафан. Там тонкая хорошая шерсть. Носила я аккуратно...

– Но это же будет заметно.

– Нет, не будет, вот увидишь. – Сестра уже что-то рисовала на бумаге.

Я всегда завидовала тем, кто из лоскутов и клубков ниток умеет сделать одежду. Кажется, что все эти линии, точки, пересечения, углы и окружности никогда не будут иметь никакого отношения к твоей фигуре. Ан, нет! Ножницы, мелок, прохладный портняжный метр, стук машинки – и вот уже Лида колдовала самозабвенно, она не видела ничего, и эта погруженность, эта увлеченность меня радовала – сестра убегала от нашей запущенной жизни, она сама себе придумывала и творила красоту.

Каждый вечер мы закрывались в своей комнате. Я устраивалась с книгой, Лида за швейной машинкой, и так, перебрасываясь изредка словами, мы готовились к выпускному и... к отъезду. В эти вечера мы не боялись мечтать и фантазировать. Я доставала карту Москвы и, водя пальцем по линиям улиц, говорила Лиде:

– В центре снять квартиру дорого. Я узнавала. Мне, конечно, здесь нравится, – я указывала на какой-нибудь район, – но, далековато. Все равно, придется жить на окраине. Но зато воздух, зелень. Надо только выбрать нужную станцию метро – чтобы тебе удобно было ездить в училище.

– Ты, Настя, странная! – Сестра делала наметку маленькими стежками. – Ты думаешь, так легко поступить?!

– Ты поступишь. Ты не имеешь права не поступить. И тебя не имеют права не принять. У тебя почти отличный аттестат. Ты прекрасно шьешь.

Так проходили дни. И вот наконец наступил канун выпускного вечера. Лида действительно сшила чудо. В этом классическом, почти строгом, недлинном и узком темно-синем пла-

тье с отделкой из синего гипюра она смотрелась и нарядно, и элегантно. И не было ничего пошлого, не было вычурного, не было ничего, что бы делало ее старше. Это синее платье, как нельзя лучше подходило к ее синим глазам, светлым волосам и бледной коже. В нем Лида выглядела утонченной и изящной.

– Здорово, Лидка! Ты точно поступишь, даже не сомневайся!

– Поступлю и буду подрабатывать. Я ведь могу дома одежду ремонтировать. На подъезде повесим объявление. Как ты думаешь?

Я ничего не думала. Я чувствовала, что надо как можно быстрее уезжать.

«Выпускной, потом надо будет съездить на экзамены вступительные, потом я «закрою» на зиму ягод и овощей, с собой в Москву возьмем, все легче будет, а потом, осенью, как раз к началу учебного года, – уедем. Навсегда!» – думала я, прекрасно понимая, что это «навсегда» не настоящее. Здесь оставались родители, жизнь которых сосредоточилась на грязной кухне среди бутылок и банок с самогоном. Я понимала, что забыть город, где выросли, дом, родителей мы не сможем, не имеем права. Хотя, глядя на худую бледную сестру, иногда сомневалась в правомерности этого чувства ответственности. Мы не могли их бросить, не могли оставить без помощи. Впрочем, думаю, наш отъезд они бы и не заметили или восприняли бы с облегчением.

И вот наступил долгожданный день. Платье, наглаженное, манящее своим темным кружевом, торжественно было повешено на дверцу гардероба. Лида отправилась к подруге делать прическу. К пяти часам она должна была быть дома, переодеться, чтобы к шести быть в школе. Пока Лида прихорашивалась, я пошла в магазин – мне хотелось вечером накрыть красиво стол, чтобы и дома хоть как-то отметить это событие.

– Дочка, ты купи что-нибудь такого, праздничного. Все-таки Лидка взрослой стала. – Отец курил на кухне. Небритый, одетый в старые спортивные брюки и несвежую майку, он выглядел как старик. Возраст добавляла худоба – я давно заметила, что у нас здесь, в городке, все пьющие были страшно худыми.

– Пап, переоденься и причешись, побрейся. Вечером будем ужинать. Надо Лиду поздравить.

– Ты не учи меня, сам знаю. Лучше матери скажи, чтобы вставала...

– Сам скажи, я в магазин.

– Так ты купишь?

Я остановилась:

– То, что ты просишь, покупать не буду. Хотя бы сегодня обойдитесь без водки. Я куплю торт, черешню и конфеты.

Отец уже меня не слушал, он встал, подошел к окну, высматривая соседей-алкоголиков. Мама по-прежнему спала, хотя на часах было уже почти три часа дня.

Магазины в нашем городишке были несуразные – темные, набитые всякой всячиной. И даже если эта «всячина» была качественной, внешний вид прилавков заставлял усомниться в этом. А еще в наших магазинах был запах – запах лежалых товаров. Старого хлеба, сыра, творога. Впрочем, был один большой магазин, супермаркет, куда мы ходили в самых торжественных случаях и куда после школы я устроилась кассиром. Там было светло и чисто, пахло свежим хлебом. Продукты там стоили дороже, чем в других местах, а в долг не давали. Там у кассирш не было заветной тетрадки, в которую иногда записывали копеечные покупки – хлеб, молоко, картошка. В маленьких же магазинах не давали в долг только сигареты – не заплатить за «курево» считалось неприличным.

– Ты куда собралась? – За недолгую дорогу меня остановило человек пять. Все прекрасно знали, что по улице Коммунаров можно попасть только в супермаркет, но любопытство и почти родственная соседская бесцеремонность заставляла их вступить в беседу и задавать дурацкий вопрос. Я отвечала терпеливо, хотя меня и раздражали эти вопросы – с соседями нужно было

дружить, их не следовало обижать, ведь их любопытство понятно – их жизнь очень бедна. Во всех смыслах.

– Торт иду покупать, у Лиды выпускной, – отвечала я.

И каждый, кто слышал мой ответ, тут же начинал вспоминать то время, когда мы с сестрой были маленькими, когда отец работал на заводе, когда мать шила нам платья. И все как один обязательно говорили:

– Как быстро время бежит! – И в этом слышалось: «Что время сделало с людьми!» В этих словах был намек на наших родителей.

Соседи вздыхали и заканчивали беседу:

– Ну, храни вас Господь!

И это в общем-то привычное деревенское пожелание меня почему-то очень успокаивало. Этих людей я знала давно, и мою семью они помнили совсем другой, и выросли мы на их глазах, а потому к этому пожеланию удачи я относилась серьезно.

В магазине меня встретили радостно:

– Ты чего пришла, ты же выходная?!

– За тортом пришла. Ну, и конфет, фруктов. У Лиды выпускной.

– Слушай, тебе торт когда нужен? – тихо спросила меня администратор.

– Сегодня, вечером.

– Тогда бери вот этот. И денег не надо. Завтра списание будет. И срок годности истекает через два дня.

Я замялась. Было в этом что-то некрасивое – по такому случаю экономить и брать торт, который завтра выбросят на помойку. Видимо, администратор заметила сомнение на моем лице, вздохнув, она спросила:

– Ну вот что придумываешь?! А если бы он на прилавке стоял, в кассе ты бы его пробила, а срок годности все равно бы истек? Это что-то бы меняло?

– Не знаю, но как-то...

– Никак. Торт отличный. Бери и перестань выпендриваться. Это – жизнь! И в ней надо уметь выкручиваться. Кстати, а вот черешню брать вообще нельзя – она червивая, завтра поставщику отошлю. Возьми бананы.

– Спасибо, я так и сделаю...

– Если хочешь, завтра не выходи, побудь дома, я найду замену. – Администратор уже бежала к служебному входу встречать машину с товаром.

Торт был огромный. Если бы я его покупала, то уже ничего другого купить не смогла бы – мы жили в жесточайшем режиме экономии, все деньги откладывались «на Москву».

Встретились мы по дороге домой. Моя сестра шла словно несла на голове кувшин с водой. Ее длинные волосы были зачесаны наверх в красивой прическе и закреплены на макушке. И сразу стала очевидной миловидность лица, нежность кожи и яркость румянца. «Она такая красивая у нас!» – подумала я.

– Ну как? – Лида гордо кивнула головой-башней.

– Великолепно. К твоему почти строгому платью очень пойдет.

– Так было задумано! – Лида гордо улыбнулась, и мы вошли в подъезд.

– А, вот и дочка! – зашумел отец, выходя нам навстречу. – Ну что, в магазин сходила?

– Сходила, сходила. – Я аккуратно поставила огромную коробку с тортом на стол. – Вы на кухне разберите.

– Погоди, успеешь... – отец опять скрылся.

Я заглянула в кухню – оказывается, они уже пили. И мать, и отец на столе, на клеенке разложили какую-то нарезку и наливали что-то из большой нарядной бутылки.

– Ну, что вы за люди! Неужели не могли подождать? – Я постаралась говорить тихо, чтобы не слышала Лида. Но отец уже изрядно выпил, а потому прокричал:

– За тебя дочка, за тебя, Лидочка! Большая стала, совсем большая! Ты не забудь нас с матерью, не забудь. Старшая-то наша – ведьмой выросла, ведьмой, что от нее ждать?

Он покосился в мою сторону, а я даже не стала его слушать. Да, я была груба и порой жестока с родителями, но у меня не было выхода. Все эти годы я боролась за сестру.

– Хорошо, отец, хорошо. – Лида говорила спокойным тоном, и я чувствовала в этом тоне примирение хотя бы на сегодняшний день, когда она была такая красивая, и такая взрослая, и такая успешная – в аттестате были одни пятерки. Она не хотела уходить из дома с привычной тяжестью, со ставшим обыденным страхом и чувством разбитости. С теми чувствами, которые возникали от невозможности что-то изменить.

– Лида, опоздаешь, давай, одевайся, я тебе помогу застегнуть платье. – Я позвала сестру.

Я подошла к шкафу и увидела, что платья нет. Его не было там, где мы оставили его наглаженным этим утром.

– Лида, ты куда дела платье? – громко спросила я и тут же пожалела об этом. Я пожалела о собственной глупости и неразумности, о своей недопустимой наивности. Я ведь сразу поняла, куда оно делось, это красивое платье, сшитое сестрой на выпускной вечер. Лида вбежала в комнату, посмотрела на меня, потом на дверцу шкафа, потом схватила со стула какую-то тряпку и кинулась на кухню.

– Ты – сволочь! Ты не отец! Ты сволочь! И ты тоже, вот вам, вот! – Из кухни понеслись крики, раздался звон разбитого стекла, стук падающих табуреток.

Послышались возня, крики и громкие восклицания Лиды. Я бросилась на кухню – сестра колотила пьяных родителей всем, что попадалось ей под руку. Ее прическа растрепалась, длинные волосы упали на лицо и сделали ее похожей на ведьму.

– Лида, успокойся, успокойся! – Я попыталась схватить ее за руку. Но она вырвалась и кинулась открывать ящик, где лежали ножи и вилки.

– Стой! Нет! Это всего лишь платье! Лида! – Я закричала так, что меня должны были слышать на другом конце этого проклятого города.

При этих словах Лида вдруг остановилась, выпустила из рук то, что в запале выхватила из ящика. Она уткнулась лбом в грязную замасленную кухонную стену и запричитала. Я не могла разобрать ни слова, только слышался ее голос, очень жалкий. В кухне стало тихо, только причитала Лида, и из окна доносились чьи-то окрики. И в этот момент я почувствовала тошноту. Самый настоящий рвотный спазм. Я почему-то так испугалась, что невольно вскрикнула:

– Лида, мне что-то не по себе.

И сестра, забыв о своем отчаянии, кинулась мне на помощь:

– Воды, выпей воды! Может, лекарство?..

Мы уехали этой же ночью. Лида не пошла на выпускной – она умылась, причесалась и сходила в школу за аттестатом. Я представляла, чего это ей стоило – оказаться среди нарядных одноклассниц, которые наверняка засыпали ее вопросами и ехидно улыбались. Но, похоже, это уже была другая Лида. Совсем не та, которая жалела мать с отцом, выгораживала их передо мной и соседями, которая все надеялась на то, что жизнь в доме будет когда-нибудь другой.

Пока сестра была в школе, я быстро собрала нашу одежду, взяла все деньги, которые были, и, позвонив на работу, предупредила, что беру отпуск за свой счет.

– Надо заявление написать, – сказала растерянно заведующая.

– Сейчас приду. – Я бегом пустилась в магазин.

На работе ко мне относились хорошо, а потому я вдруг почувствовала, что мои губы сложились сами собой в уродливую гримасу, а из глаз потекли слезы.

– Что с тобой?! Да, говори! Слышишь! Не молчи, говори, легче станет. – Заведующая увела меня в свой кабинет. Там она вытянула из меня всю историю. Я говорила почти безостановочно, я плакала и опять начинала говорить. Она слушала меня, подливая воды в мой ста-

кан и ни разу не перебила. Ни разу не произнесла: «Успокойся!» Она давала мне выплакаться и выговориться.

– Уезжайте. Уезжайте отсюда. Нечего вам обеим здесь делать. Посиди здесь, – сказала заведующая и вышла из кабинета.

Вернулась она минут через двадцать, когда я уже вытерла слезы и отдышалась.

– Вот, это вам в дорогу. Немного колбаски, сыр, копченое мясо. Вы ведь, наверное, так и не отметили Лидин выпускной?

Я замотала головой и, вспомнив, как упал на пол большой кремовый торт, опять заплакала.

– Перестань. Вот здесь конфеты и пирожные. Только сегодня привезли. Еще я положила две банки тушенки и балык. Это в Москве пригодится. Хоть утром позавтракаете, когда приедете. Перестань реветь. Я тебе даже завидую. – Заведующая закурила сигарету. – Ты сейчас сядешь в поезд, возьмешь постель, и ничего тебя уже не удержит. Мне бы твои годы, я бы и минуты не думала!

– Спасибо, но здесь так всего много.

– Не выдумывай. Бери и даже ничего мне не говори. – Заведующая подала мне два огромных пакета. – Считаю, что я это дочь в дорогу собираю.

Нам достались билеты в плацкартный вагон на самый долгоидущий поезд. Впрочем, это ни меня, ни сестру не волновало. Лида была такой уставшей и такой измученной, что заснула почти сразу, как мы сели в поезд. За все время она ни словом не обмолвилась о произошедшем и только утром, когда показались московские пригороды, произнесла:

– Настя, неудивительно, что отец продал платье. Он алкоголик. И этим все сказано. Но как могли его купить?! Ведь весь городишко знает наших родителей? И купил кто-то из наших, местных. И что? Тот, кто купил, не догадывался, что этого делать нельзя? Настя, как можно было его купить?

У меня не было ответа на этот вопрос, очень сложный и очень простой одновременно. Зато я совершенно точно знала, что, уехав, мы поступили совершенно правильно.

Глава 2

Московские аппетиты

Москва все время ест. Долгое время это первое впечатление было единственным и самым сильным. Мы вышли на Ленинградском вокзале и ощутили дурманящий запах всего на свете – пахло шашлыком, горячими лепешками, пиццерией, вывеска которой была в глаза своим ярким светом. От автоматов пахло кофе и шоколадом. Нам попадались люди с шаурмой, пончиками, с упаковкой чипсов и просто с плюшками. На площади – вереница такси, а рядом с машинами – водители, которые тоже ели. Если не ели, то грызли семечки.

– Слушай, а куда мы теперь? У нас же здесь никого нет. И есть хочется. Зря мы не позавтракали в поезде. В пакете столько всего вкусного.

Сестра огляделась вокруг. Она вдруг осознала, что теперь вместо маленького, паршивого, но родного города вокруг нее большой, яркий, шумный, совершенно чужой мегаполис. И в нем надо как-то устроиться, не имея никаких связей. Я посмотрела на сестру и, надо сказать, совершенно не запаниковала – все самое плохое у нас уже было. Было пьянство, драки, поножовщина, исчезла куда-то семья, тепло, поддержка. Мы поступили правильно, и у нас все получится.

– Мы сейчас поедем немного, и я соображу, куда надо ехать.

В той самой привокзальной пиццерии было чисто и, к удивлению, немногочленно. Я не знаю, из чего делают ту пиццу, но в сочетании с горячим сладким кофе это было очень вкусно. Еще я тайком, чтобы никто не видел, достала из пакета нарезку копченой колбасы и сделала Лиде бутерброды. Сестра завтракала, а я вынула из сумки карту Москвы, ту самую, которую мусолила вечерами, мечтая о другой жизни. И я недаром долгими вечерами пялилась на эти все переулки и проспекты, улицы и бульвары. Недаром я на работе в свободное время переписывала из Интернета телефоны гостиниц, хостелов и риелторов, которые занимались арендой. Неспроста я изучала цены на огромном, поражающем воображение сайте недвижимости. Мне тогда казалось, что вся Москва сдается в аренду, только по разной цене. И совершенно не зря я приставала с расспросами к тем, кто уехал из нашего городка и возвращался уже теперь только погостить. Сидя в этой привокзальной кафешке, я поздравила себя с тем, что самостоятельно вывела самый главный закон путешественника: к любому приключению надо готовиться, ибо не знаешь, когда это приключение случится.

– Значит, так. – Я достала свои записи. – Во-первых, не волнуйся, переночевать мы сможем в хостеле, который тут рядом. Не знаю, как там условия, но ночлег будет и душ будет. А это главное. Денег у нас достаточно.

Что касалось денег, то наших сбережений хватило бы на несколько месяцев очень скромной жизни – мы их собирали несколько лет. Я умудрилась откладывать часть зарплаты, а Лида иногда ремонтировала одежду соседям и знакомым. Эти деньги тоже шли в нашу копилку. Еще я иногда продавала собственную квашеную капусту – она у меня получалась отлично и имела свою особенность – я всегда в нее добавляла пару ложек аджарской аджики. Капусту брали нарасхват, и это при том, что в нашем городе каждая семья на зиму обязательно готовила пару ведер этой закуски. Свой рецепт я предусмотрительно хранила в тайне, и это приносило небольшие деньги. Сейчас можно было только порадоваться нашей выдержке и стойкости – соблазнов потратить эти деньги было много даже в нашем, небогатом на развлечения городе.

– Как скажешь, так и сделаем. – Лида после завтрака приободрилась. – Ты не думай, я не буду ныть. Я все понимаю – все равно надо было бы уезжать, так лучше раньше.

– Это правильно, – кивнула я, хотя проблема с жильем была сложной. Нужен был телефон, Интернет, нужно было время и... деньги.

– А вещи куда? – Лида кивнула на наши огромные, тяжелые сумки. Уезжали мы летом, но страх, что отец с матерью пропьют наши зимние куртки, был велик. А еще мы везли маленькую швейную машинку. «Мы не можем ее оставить здесь. Это – гарантированный кусок хлеба!» – решительно сказала я, и Лида со мной согласилась.

– Все пока будет в гостинице, она здесь рядом. Вставай, чем раньше мы примемся за дело, тем быстрее решим все наши проблемы. – Я бодро поднялась.

– А ты знаешь, куда идти?

– Конечно! – В моем голосе прозвучала гордость. Я этот путь к гостинице изучила наизусть, я его проходила пальцем по карте каждый вечер, когда за стеной бушевали родители, когда слышались их мат, вопли, когда мы сидели в комнате, а к двери был придвинут платяной шкаф, чтобы спяну кто-нибудь из родительских гостей не забрел к нам.

«Главное, чтобы она существовала, эта гостиница, этот хостел, как они именовали себя в Интернете», – твердила я про себя, пока мы тащились по длинному подземному переходу.

Гостиница была на месте. Она занимала два этажа отремонтированного старого здания, была аккуратной, а цены за сутки были не такие уж высокие.

– Здесь неплохо. – Лида обвела взглядом маленькую комнату с двумя кроватями, телевизором и небольшим шкафом. Рядом тут же был малюсенький санузел с душевой кабиной.

– Так, приводи себя в порядок, из сумок доставай все самое необходимое, а я сейчас.

Я закрыла за собой дверь и спустилась к портю, приветливой молодой женщине.

– Мне нужна ваша помощь, – обратилась я без колебаний. – Мы только приехали, нам надо найти постоянное жилье. Но у меня нет sim-карты и нет Интернета. Помогите, пожалуйста.

Женщина немного помедлила:

– Вы издалека?

– Да. Вот сестра поступать приехала, надо ей жилье недорогое подыскать на время учебы. – Остальные подробности я решила опустить.

– Даже не знаю, у нас тут строго...

– Я вас очень прошу, вы же понимаете – молодая девушка, будет жить одна...

– Хорошо, спуститесь ко мне вечером, поищем в Интернете что-нибудь.

– Огромное вам спасибо, с нас конфеты!

– И не выдумывайте, никаких конфет. Все из нас когда-нибудь да приехали сюда. Приходите, начальство после семи уезжает, и мы с вами и посмотреть варианты сможем, и позвонить. Риелторы допоздна работают.

Забегая вперед скажу, что именно эта молодая женщина по имени Гуля сделала все, чтобы наши первые дни в Москве были сносными. Она уже на следующий день организовала нам просмотр двух квартир, и одну из них мы выбрали.

– Девочки, мне некогда. Поезжайте сами, смотрите, хозяйку я знаю. Потом мне отзовитесь. – Риелтор была несколько высокомерной.

– Что вы хотите? Они с таких сделок по аренде копейки имеют. Они заинтересованы в продажах. – Гуля пояснила нам ситуацию. – А вы поезжайте сразу, вдруг повезет.

Нам повезло: из двух квартир – в Кузьминках и на Полежаевской, в районе Силикатных улиц, – мы выбрали вторую. Она была странная, из маленькой угловой однушки, сделали двушку. Повернуться было негде, но зато были две отдельные комнаты.

– Сколько? – спросила я хозяйку, которая приехала нам ее показать. Хозяйка назвала сумму, которая мне показалась смехотворной – из того же Интернета я знала московские арендные аппетиты.

– Мы согласны, – выпалила я, даже не спросив что-либо еще.

– Вот и отлично. Договор у меня, давайте подпишем.

Мы обменялись документами, телефонами, заверили друг друга в благонадежности и распрощались.

– Я рада, что у меня будут жить девушки. А топустишь пару – дети пойдут, обои изрисуют. Пуститишь мужиков, баб водить будут. А девушки...

– Мужчин будут водить... – осмелилась пошутить я.

– Да нет, – усмехнулась хозяйка. – Я квартиру сдаю последние десять лет. Я в людях лучше любого психолога разбираюсь. Мужчины у вас будут, но водить вы их не будете. Вам сейчас не до этого.

Я удивилась такой проницательности – это правда, нам было не до мужчин. Нам нужно было встать на ноги.

Весь день мы разбирали вещи и мыли новое жилище. Оно было и так чистое, недавно отремонтированное, но нам хотелось вдохнуть свою душу, сделать это место родным.

– Как ты думаешь, почему так недорого она берет? – Лида вытаскивала из сумки свои швейные принадлежности – любимые ножницы, шкатулку с нитками и иголками. – Куда машинку поставить? Стол тут всего один.

– Тебе на какой вопрос ответить? – рассмеялась я. – Или разом на все?

– Про деньги.

– Не знаю. Поживем – увидим.

И мы увидели. И услышали. Только вечером, почти ночью, когда приготовились лечь спать. С наступлением темноты городской шум стих, и на фоне этого покоя особенно отчетливо стало слышно то, что заглушалось дневными звуками. Стала слышна стройка. Или сразу несколько, я пока понять не могла. Только из нашего окна были видны высоченные леса, огни прожекторов, доносились возгласы рабочих. Несмотря на поздний час, на стройке все равно что-то происходило. К довершению всего неподалеку прокладывали автомобильную эстакаду и через дорогу от дома стоял большой мукомольный завод – к нему машины подъезжали каждый час. Объяснение такой низкой цены, при том что квартира была вполне в приличном состоянии, нашлось именно в первую ночь.

– Вопросы есть? – спросила я сестру из своей «комнаты».

– Вопросов нет. Надо беруши в аптеке купить, – ответила Лида и добавила: – Но мы отсюда не уедем. Я уже никуда не хочу. Привыкнем, обживемся. И потом, мы уже повесили наши занавески.

Это была правда – уезжая, кроме одежды и учебников, мы взяли еще швейную машину, которая была очень компактной, но весила черт знает сколько, и занавески, которые Лида сшила когда-то давно от скуки. Веселые, с оборкой в клеточку, они висели на нашей новой кухне и таким образом наглядно демонстрировали теперь наше право на это жилье.

– Не уедем. Спи. Завтра рано в училище.

Я понимала, что к этому месту надо привыкнуть – вокруг нашего дома были одни стройки, какие-то заводы и заводишки, но, сверяясь со своей картой, я поняла, что мы живем почти рядом с центром – станция метро «Полежаевская» была в пяти минутах ходьбы.

Старшей сестрой иногда быть очень интересно. Я с любопытством наблюдала за Лидой. Мне бросалась в глаза ее застенчивость, робость, я видела ее любопытство, с которым она оглядывала девушек на улице. Глядя на нее, я понимала, что провинциальные девочки, даже несмотря на все современные достижения, все равно будут искать тот таинственный код, овладев которым они по праву займут место в столице.

– Ты отлично выглядишь, – подбодрила я Лиду, когда мы подошли к училищу.

Сестра только закатила глаза.

Дальнейшие события носили характер тревожный, но удача нам все же сопутствовала. У Лиды не хватило каких-то бумаг, и мне пришлось срочно звонить домой, чтобы их передали

с проводником. Затем оказалось, что факультета, о котором так мечтала Лида, теперь в училище не было. Пришлось быстро переориентироваться и поступать на другой, все равно он был смежным и для дальнейших планов тоже очень годился. Когда мы наконец собрали все документы, когда их приняли в приемной комиссии, оказалось, что добавлен новый экзамен.

– Что это такое! – застонала Лида.

Но я ее одернула:

– А что такого страшного случилось? Что тебе не нравится? Мы за полтора месяца с тобой устроились в Москве, живем в отличной квартире, ты успела на вступительные экзамены, у нас есть немного денег. Что такого случилось, что ты так стонешь?

Я специально была строга – я боялась, что Москва, город жесткий, причинит сестре боль, к которой она не будет готова.

– Да, я...

– Садись и учись. Учебники есть, занимайся.

– А ты?

– А я – на собеседование. Мне нужна работа.

Если с Лидой было все ясно, то со мной дела обстояли хуже. После школы я работала кассиром. Все, на этом мой опыт заканчивался. Но я понимала, что в Москве мне надо любой ценой найти занятие, которое помогло бы нам с сестрой выжить. Я читала объявления, ездила на собеседования – но мне не везло. Мне предлагали очень маленькие, впрочем, заслуженные деньги.

«Уборщицей я всегда успею устроиться!» – попытаюсь еще, думала я. И вот однажды я наткнулась на объявление «Требуется повар».

Пойду, решила я.

Большое здание с широким козырьком находилось всего лишь через две станции метро от нашего дома. Я добралась быстро, на тридцать минут раньше положенного времени. В проходной меня остановил охранник.

– Куда?

– На собеседование, на работу устраиваться.

– Позвоните четыре, пятнадцать по местному телефону, – указал он мне на серый аппарат у стены.

– Алло. – На том конце бодрый мальчишеский голос гаркнул в самое мое ухо.

– Я на собеседование, по объявлению, стою в проходной.

– Сейчас спущусь, – ответили мне, и сразу раздались гудки.

– Ну? – охранник посмотрел на меня.

– Сказал, сейчас спустится, – сказала я уверенным тоном. Мне ужасно неловко было ожидать внизу, в окружении строгих охранников.

– Это вы на работу устраиваться? – Передо мной стоял молодой человек, ровесник Лиды. Во всяком случае мне так показалось.

– Да.

– Отлично, пройдемте сюда, в эту комнату. Олег, – он кивнул охраннику, – мы ненадолго.

– Так, – начал парень, перебив меня жестом, – о себе рассказывать потом будете. Если понадобится, а то я столько уже историй выслушал, что голова квадратная стала. У меня свой метод подбора кадров. Вот вы часто в магазин ходите?

– Часто. Но покупаю всего понемногу. – Его вопрос я поняла по-своему.

– Нет, я о другом. Я не о продуктах, хотя и о них тоже можно. Вы могли бы сказать мне, какая реклама какого продукта или товара вам не нравится. И как бы вы ее изменили?

Я задумалась. На рекламу я внимания почти не обращала. Мне казалось, мы все так к ней привыкли, что почти не верим. На мой взгляд, это была такая игра. Те, кто ее заказывал и

производил, верили, что она полезна, а мы, покупатели, делали вид, что «покупаемся» на нее. А на самом деле выбор был продиктован совсем другим.

– Не могу сказать. Иногда мне кажется – мы сами по себе, а реклама – сама по себе. Видите ли, здесь очень важно, кому сколько лет. Мне кажется, что реклама должна быть ориентирована на возраст покупателей. Ведь всем известно, что старики и дети более доверчивые. Потом идут подростки, а следом – люди тридцати-сорока лет. Вот если это учитывать, то можно достичь определенных результатов.

– Понятно. – Парень посмотрел на меня внимательно. – Здорово. Вы духи себе покупаете?

– Что?

Вопрос я расслышала, но мне надо было выиграть время. Духи я себе не покупала очень давно, а если быть точной, то покупала только один раз. По случаю восемнадцатилетия. В основном же пользовалась дешевой туалетной водой. У нас в городе на рынке держала палатку Анжела, она откуда-то привозила большие флаконы с узнаваемыми запахами. Только аромат держался не более часа. В Москву я взяла остатки туалетной воды в таком флаконе. «Может, запах противный, а мне рядом с людьми надо работать», – подумала я, и мне стало очень неловко.

– Духи. Обычные духи. Если покупаете, на что обращаете внимание. Ну, кроме запаха.

– А на что там еще внимание обращать? Только на запах, – вызывающе сказала я. У меня отлегло от сердца, видать, дело было не в моих духах.

– Не скажите. Существует же какой-то видеоряд, какие-то ассоциации, что-то вас толкает на покупку.

– На покупку может толкнуть только запах. Или цена. – Я рассмеялась. – А вот понюхать, попробовать подушиться – это да, это делаешь по подсказке. Ну, чей-то образ...

– Оп! Как вы все правильно сказали! – обрадовался парень. – Одно дело сделать покупку, но до этого надо пройти через соблазны информации. Ведь покупаем все-таки что нравится, а не что рекламируют.

– Рекламируют иногда так, что нам начинает нравиться. Мне кажется, что главное – не поддаваться этому соблазну. Выбор надо делать самой. Хотя человек внушаем.

– Отлично. Вот этим мы и будем заниматься. Внушать. А теперь рассказывайте.

– Что именно?

– Все, что хотели мне рассказать.

– Мне нужна работа. Я увидела ваше объявление, решила попробовать.

– Думаю, у вас получится. Но деньги... денег у нас платят мало, и сначала вы будете работать по трудовому соглашению.

– Ничего страшного. За это время постараюсь сделать регистрацию, трудовую книжку забрать. Она у меня на предыдущем месте работы.

– Вы не москвичка?

– Нет. Но мне очень нужна работа.

– Да будет у вас работа. – Парень как-то очень легкомысленно отмахнулся. – У нас ее много. Мы только начинаем. Мне нужны люди с ярким взглядом, и сейчас много проектов пойдет, и мы в них участвуем. Но вот денег немного...

– Я согласна, – ответила я, прекрасно понимая, что сейчас происходит та самая «ошибка», которую исправлять не стоит. Тем более все честно, я никого не обманываю. Я просто не буду работать поваром, а буду работать кем-то другим.

– Скажите, а как это будет официально называться?

– Это рекламный отдел. Даже, можно сказать – агентство. Я, – парень очень смешно расправил худые плечи – так тощие вороны поводят крыльями, – я директор. И набираю себе сотрудников. Вас бы я взял. Если согласны, приносите все ваши документы и начинайте заниматься регистрацией. Все должно быть по правилам. – Молодой директор немного важничал.

– Простите, а как вас зовут?

– Анатолий.

– Анатолий... – В этот момент мне захотелось сказать, что никакого опыта у меня нет, и образование у меня всего одиннадцать классов, и что вряд ли у меня получится что-то в рекламном агентстве, которому нужны зубры, асы, иначе она не выстоит на этом рынке.

– Анатолий Дмитриевич меня зовут, – снисходительно пояснил молодой директор. – Вы что-то хотели еще сказать?

Я посмотрела на него и ответила:

– Нет, мне все ясно. Спасибо вам.

Выходила я из учреждения с достоинством и умирая от смеха. «Как хорошо, что я приехала раньше, как хорошо, что им требуется много людей, и хорошо, что охранники не всегда внимательные».

Через неделю я приступила к работе под началом Анатолия Дмитриевича. Все время, предшествующее началу моих трудовых будней, я изучала книги по рекламе. Я приходила в книжные магазины и часами стояла перед полками – то, что было дешево, я покупала, остальное пыталась читать там же, в магазине. Я записалась в библиотеку и читальный зал, я просматривала журналы и делала вырезки. Я готовилась выйти на работу и держала кулаки, чтобы никакая досадная случайность мне не помешала. Где-то в душе мне не верилось, что меня взяли заниматься делом, в котором львиная доля отводилась творчеству. Эта безусловная случайность заставила меня поверить в то, что наступит день и я смогу заниматься тем, что мне близко. Пока же я должна была любой ценой обеспечить наше выживание в столице.

– Тебе не страшно? Ты же ничего в этой самой рекламе не понимаешь? – Лида делала круглые глаза.

– Нет, не страшно. Анатолий Дмитриевич, – с иронией отвечала я, – сказал, что у меня есть главное – умение точно и ярко описать предметы и явления.

– Настя, если там тебе не понравится или будет очень тяжело – уходи. Сразу уходи! Не терпи из-за меня, из-за моей учебы. Мы и так справимся, я буду больше работы на дом брать. Буду шить. Ты и о себе думай. – Эти слова Лида повторяла очень часто. А я ее успокаивала:

– Обязательно. Только чуть позже. И потом, мне кажется, что в этой фирме будет хорошо.

– А этот Анатолий Дмитриевич, он что, известный человек, авторитетный?

– Ну, если ему поручили создать такое агентство, то, думаю, да.

– Сколько ему лет?

– Немного больше, чем тебе.

– Такой молодой?! – Лида закатила глаза.

– Это Москва, здесь год за два идет.

Видимо, наш начальник обладал каким-то чутьем и умением объединять людей. Все собравшиеся под его руководством люди были молодыми, приятными и готовыми работать хоть до утра.

Так я не стала поваром, а стала сотрудником рекламного агентства.

Глава 3

Фата, букет и прочие глупости

Шло время, и жизнь потихоньку выравнивалась. Она становилась намного понятнее и больше не напоминала путешествие на другую планету. Мы привыкли к расстояниям, толчее, к тому, что в метро все читают или спят. Мы узнали, что длина эскалатора на Таганской кольцевой равна времени, за которое съедалась одна ватрушка, а Арбатский пересадочный узел, при потере полной бдительности, вполне может привести тебя в город Омаха, штат Небраска. Мы узнали, что по магазинам ходить лучше всего в понедельник утром, а почти в полночь можно застрять в книжном – в это время там очень хорошо выбирать книги.

Мы были молодыми женщинами, хищницами и охотницами. А умный охотник не лезет на рожон, он маскируется, притворяется, он сливается с местностью. Поэтому мы запрятали куда подальше наши недорогие, наивно купленные специально для Москвы черные лодочки на высоченных каблуках и туда же отправили обтягивающие топы и юбки. Ажурные кофточки стали служить нам мешком для стирки женского белья. Мы были наблюдательны – мы стали ходить расслабленной, спокойной походкой, в обуви на низких каблуках, в удобной одежде. Мы не стреляли глазами в поисках мужчин, не строили матримониальных планов, мы вообще не стреляли глазами. Внешне мы стали похожи на тех счастливых москвичек, которые не спешат, которые знают, что родной город никуда не убежит, никуда не денется.

Наша жизнь наладилась – мы подружись с соседями, пережили необоснованные, к счастью, слухи о сносе нашего дома, поздравили квартирную хозяйку с рождением внука. Под нашими окнами проложили новую дорогу, а в конце улицы достроили наконец один из трех огромных небоскребов. За несколько лет вокруг нас многое поменялось, но неизбежно стоял мукомольный завод, и каждую ночь огромные машины толпились у его ворот.

Два раза мы навещали родителей и оба раза уезжали в слезах. Жизнь в нашем городе не менялась, как не менялись будни отца с матерью. Только еще больше они исхудали и почернели лицами. Мы привозили им продукты – словно в городе был голод, мы покупали им одежду, мы выдраивали квартиру и уезжали с такими тяжелыми сердцами, словно нашу совесть забросали тяжелыми камнями.

– Так будет всегда. И пока они живы. И потом, когда мы останемся одни, – сказала как-то Лида. – Все оттого, что мы не смогли им помочь. Господи, только бы в наших семьях такого не было!

Эта фраза прозвучала с таким стоном, с такой болью, что мне впервые стало страшно за будущее.

О семье Лида беспокоилась даром. Она окончила училище, сразу же поступила в институт и именно там познакомилась с приятным парнем, который сначала водил ее по кафе и кино, потом они сделались заядлыми театрами, потом съездили в отпуск, а потом он предложил ей выйти за него замуж.

– Я ему ответила «да», – сияя, доложила мне сестра.

– Поздравляю тебя. По-моему, он хороший парень.

– Да, очень, – согласилась Лида, пребывая в счастливом согласии с мирозданием. Но, с минуту помолчав, забеспокоилась: – А как же я тебя оставлю одну? Как же ты будешь?! Мы же привыкли...

Молодожены после свадьбы собирались жить у Игоря, которому родители давно купили маленькую квартиру.

– Слава богу! – воскликнула я. – Наконец-то эта твоя швейная машинка не будет жужжать у меня под ухом!

Я шутила, я была рада за сестру. Более того, я была горда собой – я сделала все, чтобы она получила образование, устроила свою жизнь. Но все же мне было грустно – теперь я действительно оставалась одна. От меня уезжала не только родная душа, а мой самый лучший, верный друг.

Теперь, когда были определены все даты, меню и список гостей, Лида приступила к шитью своего самого главного платья в жизни.

– Может, в ателье? Мама говорит, что у нее есть отличная портниха... – Будущий муж не очень деликатно пытался освободить Лиду от кропотливой и тяжелой работы.

– Я и есть отличная портниха, – ответила Лида и выставила Игоря за дверь. К поверью, что жених не должен видеть платье невесты, она относилась совершенно серьезно.

Теперь, как и раньше, в нашем родном городе, мы коротали вечера вдвоем – она шила, я сидела с книжкой рядом. В эти минуты я начинала верить в нашу удачу и счастливую звезду. «Ну вот. Она выучилась, и я выдаю ее замуж!» – думала я и гордилась собой, наверное, гораздо больше, чем сестрой.

– Мы молодцы! Вернее, ты – молодец! – читала мои мысли Лида, орудуя огромными ножницами. – Хотя мне так страшно было, я так боялась. Я просто виду не подавала...

– И мне было очень страшно! – кивнула я. – Иногда просто сердце в пятки уходило. Вдруг что-нибудь случится, вдруг из квартиры выгонят. Вдруг денег не заработаем. Что тогда?

– Но все же получилось. Вот только бы родители...

– Они не будут на свадьбе, – твердо сказала я.

– Это нехорошо, Настя.

– Знаю. Но они не приедут. – Я была неумолима.

– Я не согласна. Они же не виноваты.

Я промолчала. Это был тяжелый вопрос, ответа на который я не находила. Как и тот, другой, – зачем купили у алкоголика платье, сшитое его дочерью на выпускной вечер. Но я всегда считала, что не на все вопросы надо отвечать.

– Ну не дуйся. Ты подумай об остальных. Ты подумай о своем будущем муже. О его родителях. Что будет, если...

– Я все знаю... – Лида наклонила голову. – Но это неправильно.

– Лида. – Я повысила голос. – Если честно, я забочусь не о них – не об Игоре и его родственниках, и мне наплевать, что они о нас подумают. Я думаю о тебе – я знаю, что будешь чувствовать ты, если отец напьется на свадьбе. Я знаю, во что превратится этот твой самый важный и лучший день. Ты этого не заслуживаешь. Как не заслуживала того, чтобы они продали твое выпускное платье.

Лида хлопала носом и мелко резала кусок нарядной ткани.

– Господи, сестра, ты сейчас все испортишь! – Я увидела, что она все-таки отхватила широкую полосу.

– Не испорчу. У меня стиль – авангард, – сквозь слезы ответила Лида.

Лида была права. По-человечески, по-дочернему. Она была права по всем общим правилам и канонам. Я была не права. Я была жестока и могла пожалеть об этом, могла к тем самым нашим с ней мучениям добавить угрызение совести и самое тяжелое и неприличное – стыд за родителей. Но я была старшей, и именно мне предстояло нести все моральные тяготы.

– Машинку, поди, заберешь свою? Или оставишь здесь? Тебе же обещали на свадьбу подарить новую, современную? – попыталась я отвлечь Лиду.

– Возьму с собой. Если бы не она – кто знает, как бы нам пришлось.

Лида была права – столько денег было заработано ночными часами, столько было переделано брюк, юбок, пальто! Столько было заштопано курток и подшито занавесок! Лида трудила как вол. И вспоминая, я сделала вывод, что в самое рискованное путешествие имеет смысл брать только то, что поможет выжить. То, при помощи чего ты сможешь что-то делать,

с помощью чего ты заработаешь деньги. Не бери с собой sentimentalный альбом с фотографиями, а положи в сумку фотоаппарат. Возьми спицы, краски, лобзик или... черт его знает что еще. Не пускайся в путешествие налегке – имея в голове образы красивых платьев и ненужных мелочей, способных вызвать лишь приступ слезливой чувствительности. Не бери с собой ничего, что расслабит тебя, наполнит сомнениями, лишит решительности и сделает уязвимым. Не забывай, что приехал ты сюда для борьбы, а не для того, чтобы вспоминать, жалеть себя и завидовать тем, кто смог здесь крепко встать на ноги.

Наша швейная машинка, маленькая, но тяжелая, как гиря, была самым лучшим вложением наших нищенских капиталов, она была лучшей инвестицией в наше будущее. Глядя на Лиду, которая благодаря своему упорству и трудолюбию, еще будучи студенткой, обросла большим количеством клиентов и заработала неплохие деньги, я радовалась нашей прозорливости.

– Поехали туфли выбирать. – Лида позвонила мне на работу.

– А Игорь?

– Ты с ума сошла?! Я же туфли под платье буду мерить. Я не хочу, чтобы он его видел.

– Ах да! Ладно, я попробую отпроситься.

У меня на работе уже все знали о предстоящем событии, а потому отпустили без разговоров.

– В какой магазин поедем?

Мы встретились в метро. В руках у Лиды был чехол с платьем.

– Я наша одно место. Дорогое, – ответила сестра. – Но я хочу прежде всего там посмотреть.

Дорогое место было очень дорогим. Примерочные кабинки в нем были размером с нашу квартиру, а кресла и пуфики напоминали о временах французской революции. Картину довершали мягкие ковры и большие вазы. Девушки-консультанты (в таком месте не могло быть просто продавцов), нежно улыбаясь, вцепились в нас мертвой хваткой.

– У нас есть все для свадьбы. Проходите, пожалуйста, в примерочную.

Мы с Лидой, словно замороженные, смотрели на обувь, выставленную в торговом зале. Приученная московской жизнью почти ко всему, я никак не могла понять, почему в дорогих магазинах всего так мало – на плечиках пара платьев, пять пар туфель, две пары сапог.

– Это чтобы ты понимала, что за такую сумму ты приобретаешь эксклюзив. Человеку лестно считать, что таких предметов раз, два, и все. Только у него и... кого-нибудь еще.

– Господи, да за такие деньги!

– Именно за такие деньги, – улыбнулась Лида.

– Девушка, нам нужны туфли к этому платью. – Я указала на чехол, который держала Лида.

– Вы позволите? – подошла к нам девушка.

– Да, пожалуйста. – Лида передала ей платье.

Девушка расстегнула чехол и повесила платье на вешалку рядом с примерочной. Я опустилась в глубокое кресло и стала ждать, пока сестра выберет туфли и примерит их с платьем.

– Вам кофе, чай, может, шампанское? – надо мной склонилась другая девушка-консультант. «Шампанское бы неплохо, но...» – подумала я и застеснялась.

– Мне – кофе, пожалуйста.

– Одну минуту. – Девушка исчезла, а я еще раз осмотрелась. За все время приготовления к торжеству я впервые чувствовала себя спокойной. В конце концов, все уже решено. Все определено, все основные траты сделаны. Последнее обстоятельство меня очень волновало. Дело в том, что мы с сестрой, оказавшись в Москве, больше всего боялись всяких неожиданностей, которые могли бы повлечь за собой расход сбережений. Если бы что-то случилось в родном городе, где нас знал почти каждый и так или иначе готов был бы помочь, здесь мы были

одни. И рассчитывать могли только на себя. Мы привыкли откладывать деньги, но в Москве мы порой просто скопидомничали.

– Слушай, можно просто погулять, а кофе с пирожным попить дома, – говорила я, и Лида, которой ужасно хотелось сходить в кафе не ради пирожных, а ради просто впечатлений, ради просто смены обстановки, соглашалась.

– Правильно. Деньги пригодятся.

Наша заветная коробочка, которую мы на всякий случай перепрятывали с места на место, становилось все более ценной. И наступил момент, когда мы могли сказать, что наши будни немного застрахованы.

– Слушай, – Лида пересчитала еще раз деньги, – мы можем поехать в отпуск. На море, где все включено. Ты меня понимаешь?

– Понимаю, – кивнула я.

– Мы можем купить шубу. Одну, но дорогую. Хотя это глупо. Шубу я скоро сама сошью и тебе, и себе. Надо будет только мех найти хороший. А еще можно переехать...

– Ты с ума сошла? Куда?! Здесь так привычно, здесь все нас знают...

– Конечно, конечно, это я так. Прикидываю наши возможности.

– Они уже есть. Мы можем закупить кучу шмоток – сапоги, туфли, сумки. Мы можем обедать в ресторанах. Мы можем купить дорогие телефоны и новый телевизор...

– Да, точно! – При слове «телефоны» глаза Лиды загорелись.

– Но мы ничего этого делать не будем.

– Почему?

– Потому что есть такие вещи, как болезнь, похороны и свадьба. К ним подготовиться нельзя, но имеет смысл попробовать.

Мой тон был строг. У моей сестры не было никого, кроме меня, а я отвечала не только за нее, но и за родителей.

– Ты права. Нашим бы денег отправить...

– Пропьют. Вот чуть теплее станет и навестим их, купим все сами.

Когда стало теплее, мы так и поступили, а потом вдруг Лида превратилась в невесту. Я не знаю, что думали про Лиду родители Игоря, подозреваю, что не были в особенном восторге от такой партии, но людьми они были деликатными настолько, что, улучив момент, его мама сказала мне:

– Анастасия, я все понимаю, и если вам сложно поучаствовать в свадебных хлопотах, только скажите...

– Что вы, на эти цели я выделила нужную сумму, – гордо ответила я.

Я выдавала замуж свою любимую сестру, и мне не хотелось прибегать к помощи этих милых людей. Большую часть отложенных денег мы потратили на свадебный переполох.

– Настя, коробочка почти пустая. – Лида заглянула в нашу копилку.

– Ничего страшного. Для этого мы и откладывали деньги.

Сама же я думала о том, что этот бег в колесе – экономия и рачительность – начнется уже на следующий день после свадебных торжеств...

– Пожалуйста, ваш кофе. – Девушка поставила передо мной чашку и вазочку с конфетами.

– Спасибо, – ответила я и окинула взглядом торговый зал. Он был пустой. Это обстоятельство меня тоже всегда удивляло. Частенько я заглядывала в окна таких заведений и видела только скучающих продавцов. Точно так же сейчас, кроме нас, в магазине была лишь одна девушка, которая громко сокрушалась в примерочной.

– Не подходит! Ни это, ни то лимонное. Да и цвет мне этот не нравится! Вот это, последнее, ничего, но уж очень дорогое.

– Давайте, я еще одно вам покажу. – Голос продавца выдавал усталость.

– Нет, спасибо. Я немного подожду. Может, еще что-нибудь появится у вас... Хотя времени у меня совсем мало... – Голос в примерочной сник.

– Мы вам обязательно позвоним, – бодро заверила продавщица, и сразу стало ясно, что ничего, чтобы устроило эту покупательницу, в ближайшее время они не получат.

Моя Лида тем временем выбирала туфли – сестра была неизбалованной, и ей так было неудобно обременять просьбами продавца, что она сама босиком носилась по залу, нарушая весь этот важный гламурный покой.

– А вот если эти?! Или эти? Понимаете, – она обратилась к продавщице, которая старалась за ней поспеть, – я хочу такие туфли, чтобы и потом, после свадьбы, носить... За такие-то деньги...

Что она там говорила дальше, я не знаю – в этот момент обо мне вспомнили на работе.

– Анатолий Дмитриевич, эта папка там же, где и остальные документы, – прокричала я в трубку и, увидев испуганные лица присутствующих, уже тише добавила: – Я сейчас выйду на улицу и перезвоню вам.

Анатолий Дмитриевич, тот самый молодой директор, который принимал меня на работу, был прекрасным руководителем. В его характере сочетались энергия, ум, решительность, принципиальность и... страшная нетерпеливость. Если ему что-то было нужно, это должно было появиться на его столе сию минуту. К его чести, он не требовал, чтобы секретарь или подчиненный бежал сломя голову за нужным документом. Он поднимался из своего кресла и сам лично начинал поиски. Вот это было хуже всего – после него найти что-то было уже невозможно. Выйдя из магазина и устроившись у витрины на солнышке, я занялась решением внезапно возникшей проблемы. Разговаривая, я наблюдала за тем, как внутри моя сестра выбирала туфли, как из примерочной наконец вышла та самая недовольная девушка. Я видела, как в кружок собрались продавцы, Лида и эта покупательница. Мне было забавно и очень приятно наблюдать, как молодые женщины крутились у зеркала, как они, словно подруги склонив головы, рассматривали тонкую ткань фаты. Потом они что-то обе опять примеряли...

– Там ничего нет, ни одного договора, – опять проорал в трубку мой директор. Он всегда по телефону разговаривал так, словно дозвонился к пингвинам в Антарктиду.

– Я же уже объяснила, все в бухгалтерии! Не у нас, у них! – Я стала кричать, как и Анатолий Дмитриевич. По-моему, вся улица уже знала о нашей проблеме.

– Ну так найдите их!

– Хорошо! Скоро буду!

– Ты чего кричишь?! – Я очнулась только тогда, когда сестра дернула меня за руку.

– Господи, да там такая ерунда, но уже сделали из нее проблему! Ты уже все, освободилась? Если нет – я тебя бросаю здесь и мчусь в контору.

– Все нормально. Мы свободны!

– Тогда бегом в метро!

– Давай. – Лида прибавила шаг.

– Извини, я думала, мы с тобой спокойно по магазинам походим, а тут видишь, как...

– Ничего страшного. – Лида прижала мою руку. – Все просто замечательно! Мы еще с тобой походим...

– Ну да, выйдешь замуж, только я тебя и видела! Кстати, где туфли?! Купила? Какие выбрала? – Я окинула сестру взглядом и, не дождавшись ответа, раздраженно воскликнула: – А платье! Твое платье! Ты оставила его в магазине. Но, Лида, возвращайся за ним одна! Я побежала...

– Настя, никто ничего не забыл. И не надо возвращаться!

– Что такое? – Я поняла, что тайное, подсознательное опасение, что все сорвется, что все слишком гладко, меня не обмануло. Их влюбленность, предложение руки и сердца, и приятные порядочные родители, и близкая свадьба – все это было слишком складным, слишком ровным.

Не может быть в нашей семье такого! – Что-то случилось? Ты что-то о нем узнала и отменила свадьбу? – упавшим голосом спросила я. – Или он отменил свадьбу?

Мне вдруг стало наплевать на работу. Не маленькие – найдут они эту самую бумажку, которая сущая ерунда по сравнению с тем, что чувствует сейчас моя сестра. Я повернула назад в магазин, забрать платье. Мне стало безумно жаль Лиду, пережившую детские страхи, бедность, тяжелый труд. Мне было жаль ее, выросшую в одиночестве без подруг и друзей – мы никогда и никого не приглашали в гости, мы стеснялись того, что творится в доме, а потому ни с кем никогда не сходились. Лида, как и многие в подобной ситуации, заслуживала лучшего. Это лучшее виделось мне в Игоре, человеке мягком, добром, любящем Лиду. Но вот что-то случилось, и надежда растаяла.

– Ты куда?! – Лида попыталась остановить меня.

– За платьем. Его надо забрать! Не оставлять же там!

– Настя, ты с ума сошла! С чего ты взяла, что свадьба отменяется?! Будет свадьба! Будет. Но без свадебного платья и дорожных туфель.

– О чем ты говоришь?

– Я не забыла платье. Я его продала. – Лида протянула мне деньги.

– Как – продала?! –

– Так. За вот эти вот деньги. – Лида ловко сунула купюры мне в сумочку.

– Что ты делаешь?

– А ты мне предлагаешь с такой суммой стоять на перекрестке, привлекая внимание?

– Ну да. – Я растерянно застегнула сумочку. – Лида, объясни мне хоть что-нибудь. Как ты будешь выходить замуж без туфель и платья? Что Игорь скажет?

– Настя, я ему все объясню. Он поймет, я надеюсь.

– А мне объяснишь?

– Господи, все просто! Девушка, которая была со мной в магазине, не могла найти подходящее платье. Увидела мое и спросила, где я его купила. Я сказала, что сшила сама. Она попросила продать. У нее свадьба раньше, чем у меня.

– Ты все равно не успеешь сшить новое.

– Я буду в том, которое приготовила на «второй день». Оно тоже очень хорошее. И Игорь его не видел.

– Главное, чтобы ты и его не загнала по сходной цене! А то с тебя станется. – Мне вдруг стало очень смешно. Хотя, подозреваю, смех был слегка истеричный. Моей сестре положительно не везло с платьями.

– Надо будет – продам. Это очень выгодно, оказывается, шить свадебные платья. Дома посчитаешь денежки – удивишься, – говоря это, Лида как-то загадочно улыбалась.

– Ну, рассказывай! У тебя что-то на уме.

– Точно. С этого дня мы с тобой собираем деньги на открытие своего ателье. Или дома моды. Настя! Это отличный бизнес! Только надо ему научиться.

– Осталось сделать самую малость – научиться.

– Совершенно верно. Главное мы умеем – мы умеем шить.

– Ты умеешь шить.

– Да, я умею шить. И буду шить. А ты будешь управлять этим всем. У тебя получится. Ты вообще хороший командир. – Лида поцеловала меня в щеку.

– Да что с тобой?! Ты думай, как ты все объяснишь Игорю.

– Настя, а он ничего не знал и не видел. Ему и не надо все объяснять.

Свадьба состоялась, и никто не заметил подмены платья. Никто не узнал, что на туфлях невеста сэкономила, что фату за ночь смастерила сама, что прическа была сделана впопыхах и

держалась на двух шпильках. К свадьбе невеста подошла полная идей, сосредоточенная и что-то записывающая в большой блокнот.

– Что это у тебя?

– План создания нашей швейной империи, – загадочно ответила невеста.

– Ты замуж завтра выходишь! – напомнила я.

Она вышла замуж, и свадьба была веселой и радостной. Без ужимок, родственников обид, намеков и неудобных ситуаций. Все ели, пили, плясали, произносили тосты, участвовали в конкурсах и импровизированном концерте. Лида была очень красивой невестой, а главное – счастливой.

– Игорь, постарайтесь ее не обижать. – Я выпила шампанского и растрогалась. Мне хотелось плакать от того, что моя любимая сестра выходит замуж. И что ее жених такой положительный, и родители такие добрые, и сама она красавица, а главное – умница и очень находчивая, очень деловая. «Это надо же! Платье, собственное платье продать! Не сходя с места! В магазине, куда пришла покупать туфли! Умница, что и говорить!» – умилилась я.

Маленькое свадебное путешествие на море, переезд, обустройство слегка запущенной квартиры новоиспеченного мужа – все это какое-то время занимало внимание Лиды. Как и ожидалось, мы не виделись. Я, оставшись одна в квартире, теперь имела возможность спокойно подумать о себе. Что за это время случилось со мной? Чего я добилась? Что бы я хотела сделать? И как, наконец, я представляю себе свою собственную будущую жизнь? Нельзя сказать, что над этими вопросами я не задумывалась раньше, не бывает так, чтобы человек о себе не думал. Но я старалась не углубляться в подобные размышления, ибо при ближайшем рассмотрении обнаруживалась картина не очень обнадеживающая. Одиннадцать классов образования, кассир в магазине, случайная удача – и вот сотрудник фирмы, которая занимается всем – от рекламы до кейтеринга. Многопрофильность, развитая нашим директором, позволяла мне овладевать новыми навыками, попробовать себя в разных областях и хорошо зарабатывать. Но не оставляла совсем времени для себя. Когда в своих размышлениях я доходила до этого места, настроение у меня сильно портилось. Моя жизнь представлялась мне настолько неустойчивой, настолько зыбкой, что страх накрывал меня, как в далеком детстве, когда я слышала, как ругаются пьющие отец и мать. Я была одинока. Я это отлично понимала, как понимала и то, что сестра, самый мой близкий человек, всегда придет на помощь, всегда будет рядом. Но всякая женщина знает, что есть чувство особой близости, особой привязанности, особой принадлежности, и без этого чувства даже самая насыщенная жизнь кажется неким полуфабрикатом.

Ко всему прочему у меня была тайна – я не хотела выходить замуж. Тяжелые, жестокие и скандальные отношения родителей отвратили меня от семейной жизни. Мне казалось, что рано или поздно между людьми возникнет то самое озлобление, которое может привести к распаду, если не семьи, то к распаду отношений. Какой смысл начинать, если может так все закончиться?! Этот дурацкий вопрос-опасение не давал мне покоя, а самое главное – делал меня очень недоверчивой к людям, к проявлению мужской доброжелательности. Любые попытки мужчин завязать со мной более близкие отношения делали меня настороженной.

– Чем лучше я к тебе относился, тем больше у меня было уверенности, что я делаю тебе плохо. Это странно, тебе не кажется?

Так сказал один мой любовник перед нашим окончательным расставанием. Я не нашлась, что ответить, он был прав, я была не права, но внутреннее устройство мое было именно таким.

– Ты просто его не любила. И очень жаль. Он хороший, добрый и к тебе относился очень нежно. – Моя сестра Лида была огорчена нашим расставанием. Сестра была мягче характером, трепетна душой и считала, что семья – это главное, что может быть у человека.

– У меня мечта, – сказала как-то она. – Я хочу, чтобы у меня было много детей. Нет, не так, чтобы подгузники не успевать менять, а так, чтобы каждый следующий малыш был

в радость. Еще я хочу, чтобы у тебя была такая же семья – муж и несколько детей. И чтобы наши семьи, наши дети, наши мужья и все остальные родственники дружили. Понимаешь, чтобы это была одна семья! Самая настоящая. Чтобы мы приходили друг другу на помощь, чтобы поддерживали, чтобы выручали, чтобы проводили все праздники вместе, встречались по выходным, устраивали поездки...

– Лида, семья – это не отряд бойскаутов. Это более сложная организация. И нельзя требовать, чтобы все были как один. Вдруг кому-то из членов семьи твоя схема не подойдет. Я даже знаю, кому она не подойдет. Тебе. – Лида обиделась на то, что я сравнила ее модель счастья с бойскаутским движением. – Представь себе, мне сложно, когда вокруг меня более трех человек. Но это, конечно, не отменяет родственной взаимовыручки. – Я смягчила ситуацию. Тем более что желание Лиды было очень объяснимым – она, как я уже говорила, жила без подруг и друзей. Это чувство одиночества очень ранит. Я же пребывала в «ножницах» – одиночество мне нужно было для борьбы за жизнь. Я сама себе воин, сама себе командир, моя воля и характер проявлялись именно тогда, когда я в одиночку старалась решить сложные задачи. Присутствие кого-то, кто пытался помочь мне, только раздражало и сбивало с толку. С другой стороны...

– С другой стороны, Анастасия, перестань капризничать. Вокруг тебя столько мужиков вертится, а ты как принцесса...

– Почему как принцесса?

– Потому что ты их не замечаешь даже. А ты попробуй, обрати внимание...

Легко дать такой совет, нелегко изменить себя.

Переезд Лиды обозначил новую веху в нашей жизни. Отныне мы порознь, отныне заботиться о ней будет ее муж, а я должна держать дистанцию и не влезать в семейную жизнь.

Претворять в жизнь свои идеи Лида начала почти сразу же.

– Я УЗИ сделала! Говорят – двойня! – Голос на том конце города ликовал.

– Лида, я суеверная. Меня учили не радоваться прежде времени, – наставительно пробурчала я, но в глубине души ликовала так же. Семья Боярцевых пускала московские корни.

Глава 4

«Сюзи Менкес нам не указ!»

Близнецов называли «оригинально» – Саша и Маша. Лида была в восторге от своего материнства. Ежедневно по телефону я выслушивала многоминутные отчеты о качестве грудного молока и количестве испачканных подгузников. Укладывая грудных близняшек спать, Лида звонила и осведомлялась:

– Настя, а как ты думаешь, если отдавать в детский сад, то лучше, наверное, с образовательным уклоном? Например, с английским языком?

– Лида, они у тебя по-русски еще не разговаривают. Какой английский? Ложись, отдохни, пока они спят. Тебе силы нужны, а ты морочишь себе голову тем, что еще будет не скоро.

Лида соглашалась, но я чувствовала, что эта жажда деятельности, которая не имела выхода в последние месяцы беременности, не дает ей покоя. И еще я заметила, что с появлением детей Лида вдруг стала бояться, что что-то не успеет сделать.

– Настя, ты помнишь, что мы с тобой должны открыть дом моды? Это остается в силе. Деньги не тратим, копим, набираемся опыта. Через год, другой – мы это сделаем.

– Я помню, но сейчас главное – близнецы.

– Да, но я все равно думаю над этим, у меня есть уже целый план.

Однажды я этот план увидела. В аккуратно разлинованной тетради были подробно описаны все этапы развития швейного бизнеса. Там приводились цифры, примеры, там имелись расчеты. Там было даже описание моделей платьев с рисунками, которые предназначались для продажи.

– Ты же хотела шить на заказ? – удивилась я.

– Мы и будем шить на заказ, но всегда должна быть пара платьев уже готовых, которые купят те, кто спешит.

– Лида, ты же говорила, что не умеешь считать, что не умеешь планировать? Как и когда ты это все написала? – Я была удивлена – передо мной лежало готовое ТЭО для проекта «Дом моды».

– За три месяца до родов. И я, кстати, просто дополнила, что было написано мной раньше.

– Отлично. Готовая инструкция, готовый рецепт...

Однажды рано утром Лида примчалась ко мне на работу. Извинившись, я уединилась с сестрой в переговорной.

– Что стряслось?! Кто остался с детьми?! Почему ты здесь? – Я так разволновалась, что даже не могла остановиться и задавала один вопрос за другим.

– Настя. – Лида была очень серьезной. С таким лицом она говорила о наших родителях и своих детях. – Настя, ты должна устроиться на работу в одно очень интересное место.

Я онемела. Моя младшая сестра удивляла меня все больше и больше.

– Я бы устроилась сама, но – дети. Я выпадаю из деловой жизни года на два, если не больше. Нет, конечно, я не буду сидеть сложа руки, я буду шить, буду подрабатывать, будем докладывать в нашу копилку деньги. Я буду следить за всем, что происходит в мире моды... Хотя, звучит это сейчас самоуверенно и смешно... Настя, но мы не можем терять время на ошибки и просчеты. Мы должны изнутри изучить этот бизнес.

– Ты мне предлагаешь уволиться и пойти работать?..

– Да! Я решила, что это будет правильно и полезно. – Лида поджала губы. – Нам нужен собственный опыт. И мы его достанем таким образом.

Я растерялась. Сейчас, когда в нашем агентстве я была на хорошем счету, когда мне доверяли большие проекты, когда наш Анатолий Дмитриевич, который, кстати, погрузил и

приобрел солидность, все чаще звал меня с собой на самые сложные переговоры, вот сейчас, когда моя карьера пошла вверх, я должна была все бросить, чтобы шпионить в каком-то большом ателье!

– Лида, я подтверждаю приверженность нашим идеалам юности, прости за пафос! Я согласна полностью, что мы должны открыть свой бизнес, но сейчас... Сейчас мне это сложно сделать... У меня как раз все только начинается. Я могу стать...

А кем я могу стать? – этот вопрос вдруг сам по себе всплыл в моей голове. Кем я могу стать? Заместителем директора? Исполнительным директором? Художественным директором, финансовым, директором по особо важным проектам. Но я никогда не стану хозяйкой. Я не буду владеть этим бизнесом и не буду определять его развитие. Он не станет моей опорой (равно, как и головной болью). Я всегда буду наемным рабочим. Мои амбиции в этом смысле не были очень велики и работать под началом умного, спокойного руководителя – это ли не благо? Но в этом случае ты все равно не являешься хозяином положения, ты зависишь от другого человека и обстоятельств.

– Я подумаю, – ответила я.

– Отлично, только не очень долго – по моим сведениям в «МаМур» нет проблем с кадрами. Сама понимаешь, такие места занимают быстро. – Лида поцеловала меня и умчалась к своим близнецам. Вот тебе и младшая сестра!

На следующий день я взяла отгул. Мне нужно было все взвесить и обдумать.

– Самый сложный день! – ворчал Анатолий Дмитриевич. – Вы нужны здесь, в офисе.

– Извините, но мне очень надо. Семейные обстоятельства.

– Ладно. Не выходите сегодня на работу.

Я положила трубку, потянулась в постели и задумалась. Впереди был целый день. Соблазн остаться дома и провести все это время в лени и почти неподвижности был велик. Но я знала, что вечером буду себя ругать. Буду ругать себя за бездарное время, проведенное наедине с собой, – так уже не раз случалось. Усилием воли я заставила себя встать, одеться, накрасить глаза – и выйти на улицу. Недаром говорят, что лекарство от всех болезней – это движение. Когда я подошла к метро, я успела порадоваться ясному дню, свободному времени и тому, что в этот день я могу сделать все, что не успевала сделать раньше. А потому я направилась на Волхонку.

В моем родном городе архитектурных памятников не было. Их не очень было много и в закоулках Магистральных улиц, где я теперь жила. Пушкинский музей – место, которое меня привлекало не столько содержанием, сколько формой. Было что-то внушительное в этом помпезном сером здании с огромными колоннами. Было в нем что-то такое явно правильное, что от одного взгляда на него хотелось вынести вердикт: все, что там внутри увидишь – уже классика и обсуждению не подлежит.

Я прошла через низенькие ворота, мимо огромных елей, поднялась по серым ступенькам и толкнула тяжелые двери. Билеты, гардероб, зеркало, и вот передо мной огромная темно-коралловая лестница. Может, она на самом деле была какого-то другого цвета, но мне казалось, что ряды розовых колонн, расположенных выше, отбрасывали свет на все помещение.

– Начало экспозиции – направо, – вежливо подсказала дама в униформе.

Я всегда любила порядок, а потому послушно повернула в зал, где в глаза бросилась очаровательная картинка – зима, каток, фигурки людей, зимний город вдалеке. Я остановилась и с жадным любопытством начала разглядывать небольшой холст. Точность деталей – тонкий дым печной трубы, блеск маленьких окон, крохотная галка на дереве. Золотистые краски зимнего пейзажа – неожиданное зимнее тепло трогало и умиляло. Я забыла обо всем том, что осталось за стенами этого внушительного здания.

Картина за картиной, зал за залом – я обошла весь музей, сторонясь только скульптур и египетских древностей. Я не хотела смешивать искусства – впечатлений от живописи мне

хватило с лихвой. Спустившись в гардероб, я отыскала заветную дверь со словом «Буфет» и, усевшись за столик, блаженно вытянула ноги. В моей голове, несмотря на обилие впечатлений и неизвестных имен, как ни странно, сложилась очень стройная картина. Сама от себя не ожидая, у себя в голове я вдруг стала сравнивать французскую и немецкую живопись.

«Что я видела на немецких картинах шестнадцатого и семнадцатого веков? Я увидела мастеровых, ремесленников. Увидела торговцев снедью – булками, рыбой, дичью. Я увидела святых, покровительствующих башмачникам, кузнецам, ткачам. Я увидела, как копают огород, сажают цветы и пекут хлеб... А что было изображено на французских полотнах? Военные походы, пирушки, королевские особы, бархат, кружева... Что это значит? Ничего, кроме того, что немцы практичны. А ремесло – главное, что есть у человека. Оно уважаемо, потому что...»

– Лида, кто там у нас покровитель швей? – Я набрала на телефоне номер сестры.

– Что? – Сестра озадаченно помолчала. – Зачем тебе? Но если надо – узнаю.

– Узнай, пригодится. – Я рассмеялась и нажала «отбой».

На следующий день, под причитания и заламывание рук Анатолия Дмитриевича, я писала заявление об уходе.

– Анастасия Павловна, вы хорошо подумали? Вы все взвесили? – Директор ходил вокруг меня «восьмерками». – У нас на носу столько мероприятий! И без вас невозможно обойтись!

– Не волнуйтесь, я все закончу. Я не брошу, не подведу вас. Я буду приезжать.

– Как вы не бросите, если вам нужно будет выходить на другую работу!

– Пока не надо будет. Я еще не устроилась.

В кабинете шефа повисло молчание.

– То есть вы пишете заявление, но работы у вас еще нет?!

– Совершенно верно.

– А если вас не возьмут?

– Приду к вам обратно. Примете? – Я весело посмотрела на Анатолия Дмитриевича.

– Нет, – твердо ответил тот.

– Правильно, – согласилась я. – Значит, я точно попаду на то место, куда мне сейчас надо. Другого пути нет.

Я знала, что директор меня возьмет назад, я знала, что он даже не будет особенно ворчать, но сейчас мне нужна была уверенность в том, что никаких запасных путей у меня нет.

Провожали меня всей конторой, и я даже не подозревала, что так много людей ко мне замечательно относятся.

– Друзья, я надеюсь, что никогда сюда не вернусь! Поймите, так решила моя младшая сестра, а я ей подчиняюсь. Но, поверьте, я буду вспоминать вас с любовью и благодарностью. – Этот мой прощальный тост наверняка запомнили многие. Мало того, что у меня заплетался язык, кружилась голова, так я еще умудрилась пролить спиртное на одежду Анатолия Дмитриевича. Выпила в тот вечер я совсем немного, но то ли от волнения, то ли от растроганности захмелела я очень быстро.

Домой меня довезли, выгрузили вместе с памятными подарками прямо у порога.

– Анатолий Дмитриевич велел передать, что, если завтра соберетесь на работу, позвоните. Машину за вами пришлют. – Наш водитель чуть ли мне честь не отдавал.

Заснула я прямо в одежде и лодочках. И даже во сне заботилась о том, чтобы не сильно испачкать туфлями диван.

Два дня у меня ушло на восстановление, а на третий я отправилась в Модный дом Марии Мурашовой. Медлить с этим визитом было нельзя – моя уверенность в том, что меня примут туда на работу, таяла не по дням, а по часам.

– Не глупи, получится. Устраивайся кем угодно. Страдания окупятся. – Моя младшая сестра, став матерью, сама сделалась строгой и жесткой.

– Слушаюсь! – только и ответила я.

Надо сказать, что, глядя на внушительное, похожее на уютную усадьбу здание Модного дома, вполне можно было предположить, что дела там идут отлично. Здание было недавно отремонтировано и имело красивую медную вывеску. «С претензией», – подумала я и на всякий случай одернула строгий серый жакет. «Запомни, – повторила я про себя наставления сестры, – у мужчины – пиджак, у женщины – жакет. И никак не иначе. Нет у женщин в гардеробе пиджаков».

Всякие мелкие премудрости Лида вбивала мне в голову при каждом удобном случае. Впрочем, я понимала, что исход сегодняшнего визита зависит во многом от разных незначительных мелочей.

Войдя в серый холл со стеклянными стенами, который был полной противоположностью купеческому фасаду, я тут же попала в своеобразный вихрь из молодых девушек. Их было много, они были красивы, отлично одеты и все очень высокого роста. Присмотревшись, я поняла, что они просто на высоких каблуках, к тому же никакой особенной необходимости двигаться в такой суете, издавая протяжные и требовательные восклицания, не было. Ничем серьезным эти девушки не занимались, но, похоже, считали, что в мире моды нужно вести себя именно так.

– Не подскажете, с кем я могу переговорить по поводу работы?

Девушка за высокой конторкой подняла на меня недовольный взгляд. Впрочем, интонация была вежливая:

– Вы – швея?

– Нет, – испуганно ответила я.

– А кто? – Девушка склонила голову к плечу.

– Дело в том, что я работала в рекламном агентстве...

– Насколько я знаю, там вакансий нет.

– А где есть? – Я уцепилась за нужную фразу. Кстати сказать, я нигде не видела объявления, что здесь нужны люди. И откуда эту информацию узнала моя сестра – загадка. Впрочем, я могла быть невнимательной и что-то пропустить.

– Нигде нет. – Девушка посмотрела на меня, видимо, ожидая, что я попрошаюсь и уйду. Но я не уходила.

– Мне очень нужна работа. Может, вы мне поможет. Подскажите, к кому мне здесь имеет смысл обратиться?

– А почему вы хотите именно к нам? – Девушка так самодовольно повела плечом, что можно было подумать, что она и есть владелица Модного дома.

– Мечта такая всегда была – работать в мире моды. Понимаете, мечта. Вот вы молодая, красивая, вам так легко проникнуть... – Я льстила безбожно, но видела, что это равнодушное создание поддается моему давлению.

– Ну не знаю даже, что вам подсказать. – Девушка, покрасневшая после моих комплиментов, стала что-то искать в компьютере.

– Спасибо вам огромное! – быстро поблагодарила я, словно уже дело сделано и заветные координаты у меня в руках. Это был мой тактический ход – я как бы скрепила этими вежливыми словами нашу сделку.

– Я ничего не могу обещать, я только позвоню. – Девушка сохраняла такой же недовольный вид, но все-таки ее жесты обрели энергию.

Через минут десять, в течение которых ей пришлось ответить на два телефонных звонка, выписать три пропуска и забрать у курьера большую пачку пригласительных, она, наконец, опять обратила на меня внимание.

– Знаете, ничем не могу помочь. – Она сделала паузу, наслаждаясь моим разочарованием. Разочарование было вдвойне сильнее, поскольку было подобие обещания с ее стороны и ожидание – с моей.

– Жаль, извините, – произнесла я упавшим голосом.

Настроение у меня стало отвратительным – ну, в конце концов, кто устраивается на работу туда, где не нужны люди? Кто уходит с работы, не получив другую?! Кто делает ставку на мечту, какой бы светлой и практичной та ни была?! Мы с Лидой заигрались – нам везло в Москве, и мы решили, что так будет всегда.

– Еще раз извините. – Я отошла от стола и направилась к двери.

– Завтра подойдите в час дня. Может, что-то получится, – прокричала девушка мне вслед.

– Что? Завтра?! Конечно! Спасибо вам, даже если не получится, надежда – это уже кое-что! – Я почти бегом вернулась к столу.

– Да, может быть, получится. Наш Дом принимает участие в Неделе высокой моды. К этому событию очень готовятся, много всяких организационных дел. Если вы завтра подойдете и сможете переговорить с директором, может, и выгорит. Понимаете, нужны активные люди на побегушках.

«Ничего, Настя, ничего! Ты им еще покажешь, когда будешь управлять своим Домом моды. А пока и на побегушках – тоже неплохо!» – подумала я про себя, еле сдерживаясь, чтобы не послать все это к чертовой матери.

Вечером сестра со строгостью в голосе выспрашивала подробности:

– Ну как тебе? А как у них там обстановка? Людей много работает? Ты не поняла, цех швейный там же или они заказы отдают на сторону?

Я слушала и очень хотела ругаться – сегодня был не самый приятный день.

– Лида, я ничего не знаю, дальше порога меня не пустили. Это – во-первых. Во-вторых, скажи мне, дорогая, откуда ты взяла, что им нужны люди? Вот только честно?!

– Ниоткуда, я соврала. Но иначе бы ты не пошла. А так я знала, что ты добьешься своего! – доложила Лида честно и почти весело.

– Дорогая, мне не двадцать лет, я не люблю быть в идиотском положении! Могла бы сказать как есть!

– Извини. Но все-таки расскажи, что заметила.

– Ничего. И люди им не нужны. – Мне очень хотелось проучить сестру.

– Ну ладно. Я еще тут всякие справки наведу, может, куда еще можно устроиться. – Сестра вздохнула. – Ты понимаешь, у них очень интересная история – начинали с нуля, никто не помогал, и держатся на плаву уже много лет. Все говорят, что это дисциплина и грамотно построенная схема взаимодействия служб. Там же не только творчество, там же еще есть и массовое производство.

– Господи, Лида, я спать ложусь, у меня завтра собеседование. Рано утром.

– Уррра! Сеструха! Люблю тебя!

Это было последнее, что я услышала перед тем, как отключить телефон.

Рано утром я репетировала речь. Мне хотелось произвести впечатление на людей, которые каждый день видят перед собой красивых девушек, которые рисуют красивую одежду и вообще призваны сделать мир привлекательнее. Но чем больше я смотрела на себя в зеркало, тем больше сомнений поселялось в моей душе. Я ничего не знала о моде, я не любила рисовать, не очень любила модно одеваться, а новостями из этого мира даже не интересовалась!

В эту авантюру я пустилась зрелым человеком – мне уже исполнилось двадцать восемь лет. То есть вполне взрослым человеком, который доказал и себе, и другим, что он кое-что может. Я сознавала, что разобраться, как устроен дом моделей с кошачьим названием «МаМур», за год-полтора невозможно. Надо было бы проработать долгое время, чтобы понять, как создаются платья и костюмы, как их продвигают на рынок, как работает механизм моды. А потому

необходимо было терпеть и ждать, пока подрастут близнецы, пока подкопим денег, пока Лида станет дипломированным специалистом. Моя младшая амбициозная сестра, с отличием закончив училище, решила и в институте во что бы то ни стало получить красный диплом.

Мне было очень жаль уходить из агентства, мне было жаль тех отношений, которые там сложились, но долг есть долг, а мечта есть мечта. В нашем с Лидой случае именно мечта стала долгом. С одной стороны, я сожалела о таком вынужденном шаге, но, с другой стороны, понимала, что с тех пор, как мы приехали в Москву, прошло уже восемь лет – срок достаточный, чтобы наконец попытаться реализовать наши планы. «Хотя, мы, конечно, и так многого достигли, – думала я, разглядывая себя в зеркале, – я научилась разбираться в тонкостях рекламного дела, сестра окончила училище, поступила в институт, стала счастливой мамашей подрастающих близнецов и скоро получит диплом о высшем образовании. Может быть, она и права, моя младшая сестра. Может, действительно надо сейчас все силы бросить на подготовку».

Ведь осталось совсем немного – чуть-чуть подсмотреть, как это делается, как это устроено, перенять чужой опыт, увидеть чужие ошибки и придумать свою идею. Исходя из всех этих фактов и соображений, моим главным оружием должны были стать терпение и внимание.

Строгий костюм, скромные лодочки – этот наряд я сочла вполне уместным для собеседования. «Не пошло, не вульгарно, по-деловому. И сколько стоит этот костюм – непонятно. А это – главное». Я застегнула пуговицу на пиджаке, который мог быть у женщины только жакетом.

– Добрый день, – с прежней капризной миной ответила мне вчерашняя девушка-секретарь. – Вам вот в ту синюю дверь. Только заполните анкету.

На двух листочках могла отобразиться вся моя жизнь – вопросов было много, и все они были очень подробные. Поверх всего этого стоял синий номер – двадцать восемь.

– А это что означает? – Я указала на цифры.

– Это ваша очередь.

– Столько желающих?

– Я же вам говорила, что мы будем брать людей.

За синей дверью был длинный ряд мягких стульев, на которых сидела часть претендентов. Остальные прохаживались по большому помещению.

Моя очередь подошла, когда стрелка часов приблизилась к пяти вечера. Надежды у меня было уже немного – люди из кабинета, в котором проходило собеседование, выходили смущенно-раздраженные: с одной стороны, им было обидно получить отказ, с другой – они старались скрыть свою обиду.

– Столько времени потерять! Деньги ерундовые, а требования! – Так охарактеризовала одна из девушек результаты своей попытки.

Я вошла в кабинет злая и голодная. За большим столом, заваленным бумагами, эскизами и лоскутами ткани, сидела дама лет пятидесяти. Она была в черном, а выражение лица у нее было как у человека, проплывшего большую дистанцию, – усталое. К моему удивлению, с соискателями беседовала сама Мурашова – ее фотографию я видела на стене за спиной девушки-секретаря.

– Так, вы почти последняя. – Дама заглянула в какой-тоgrossбух. – Откуда вы и что вас привело к нам?

– До этого я работала в компании, занимавшейся рекламой, и, как ни странно, имела отношение к учреждению, в названии которого была приставка «метео». Мы не только старались красиво писать об антициклонах, но осуществляли различные проекты в содружестве с другими московскими агентствами...

Я решила не упоминать подробности, не вникать в детали нашей деятельности и не уточнять, что там мне было хорошо – коллектив был сплоченный, с юмором относившийся к при-

близительным метеопредсказаниям, да и к погоде вообще. И что я бы и сейчас там еще работала, но семейные планы...

– Почему ушли? Погода – это так романтично...

Я поняла, что Мария Евгеньевна все четко увязала с метеопрогнозом, но разочаровывать ее не стала.

– Врать надоело, – ответила я, избито намекая на приблизительность погодных предсказаний.

Этот мой ответ Мурашову удовлетворил.

– А что вы знаете о мире моды? – Она перешла к следующему этапу собеседования.

– Ну, я знаю, что Сюзи Менкес... – эти слова я произнесла заученно – три дня штудировала глянец, но в голове моей осталось немного, только пара фамилий и дат. Про эту весьма некрасивую и толстую даму, которая была главной фигурой во всемирной моде, я прочла кучу статей, и меня особенно удивило то, с каким придыханием в статьях упоминалось ее имя теми, кто освоил такую сложную вещь, как стежок «козлик».

– Оставим это, – перебила меня Мурашова. – Сюзи Менкес – нам не указ. Где она и где мы! Что *вы* о моде знаете? Как *вы* ее понимаете?

Да никак я ее не понимала! Что я сейчас могла рассказать? Что вычитала благодаря Интернету и журнальным статьям. Что мне Лида торопливо выложила по телефону. Но «свое понятие моды»? Его у меня не было. Как назло, в моей голове засела мысль, что этой даме нечего делать, если она «рабочих лошадок», «побегушек» сама принимает на работу. Ведь скорее всего их уволят после окончания Недели моды.

– Я слушаю вас. – Дама уже заглядывала в длинный список.

– Не знаю, может ли это сойти за взгляд, скорее всего – это просто суждение человека, который интересуется модой, – слушавила я. – Так вот, мне кажется, что смысл этого бизнеса – а мода – это творчество, подлежащее реализации, – в том, чтобы продавать не предметы, а идею. Можно, еще идею назвать символом. Можно назвать образом. Сейчас в мире шьют около миллиона брюк в день. Во всех концах земного шара. Как убедить человека купить те, а не другие? Сложно. Продать «просто брюки» – это вообще непосильная задача. Огромная конкуренция. А вот продать образ можно. Более того, можно продать очень выгодно, поскольку в образе брюки дополнены всем остальным, включая шляпу и сорочку. Например...

Моя речь была плавной, мысль четкой, слова точными. Я это поняла по лицу Мурашовой, я сама это почувствовала. Я говорила то, что пришло мне в голову внезапно, когда я разглядывала огромные постеры, на которых были изображены этапы изготовления одежды. Мне было только очень жаль, что говорю я это Мурашовой и что я не припасла эту идею для нашего с Лидой будущего проекта.

– ...Вот посмотрите на эту фотографию. – Я указала на постер, где были изображены широкие брюки. – Вот «просто» брюки. Попробуйте их продать! У людей в шкафах скопилось столько барахла, что надо очень постараться заставить потратить деньги еще на один предмет гардероба. Но вот мы берем эти брюки и провозглашаем идею морской стихии, свободы, энергии, целеустремленности. Мы провозглашаем идею одежды для самостоятельных, деловых женщин, которые умеют работать, отдыхать, которые движутся по этой жизни летящей стремительной походкой. – Я на секунду замолчала, а потом торжественно произнесла: – Вуаля! Брюки проданы! Брюки проданы, поскольку они стали идеей и образом.

В комнате воцарилась тишина. Мурашова что-то писала на листке бумаге. Я же незаметно от нее облизала пересохшие губы.

– Нда... ну, бегать за кока-колой моделям – в вашем случае это уж слишком. Пригодитесь где-нибудь в другом месте. Я беру вас на работу. Креативить бы вам... но там посмотрим.

...И меня определили... опять в отдел рекламы! Какое-то время я занималась всяким «мусором» – заготавливала впрок рекламные тексты, налаживала связи с небольшими агент-

ствами и изданиями. К «китам» меня не допускали – за это отвечали два человека, которые невероятно соперничали и пытались подсесть друг друга. Я, пока велась эти войны, овладевала мастерством и в соответствии с восточной мудростью ждала, когда «мимо меня проплывет труп моего врага». Труп, слава богу, не проплыл, но состоялось увольнение одной, и выговор получила другая. Времени на поиски нужной единицы не было, и меня назначили начальником отдела.

– Сама Мурашова одобрила вашу кандидатуру, – поделилась девушка-секретарь, которая как-то незаметно стала моей приятельницей.

Я должна была быть благодарна Марии Евгеньевне – в то время, когда многие сотрудники проходили через многоступенчатые проверки и испытательные сроки, я почти волшебным образом оказалась на месте начальника. В глубине души, я пыталась вызвать в себе это чувство признательности, но получалось это так натужно и неискренне, что пришлось это занятие бросить. Да и в моем назначении, скорее, был «виноват» случай, а не мое умение писать. И добрая воля Марии Евгеньевны была здесь ни при чем.

В Дом моды «МаМур» я пришла наблюдателем. Я проникла лазутчиком, шпионом, разведчиком. Благодаря этому мне было намного легче, нежели другим, выносить атмосферу постоянной нервозности, страха перед наказанием, которая царила в этих фешенебельных стенах. Я держала свой «кукиш в кармане», когда хозяйка и ее замы распекали подчиненных, когда Мурашова капризничала или отпускала редкую похвалу, по форме больше похожую на оскорбление. В определенном смысле мне было намного легче, чем многим другим. Я знала про свое тайное будущее, про наши с сестрой планы и понимала, что все это лишь ступень на пути к собственному бизнесу. Почему-то я совершенно была уверена, что все у нас получится. Сестра была талантливей, я упрямой и дотошной. Удача не могла обойти нас стороной.

Мария Мурашова была человеком неприятным, но вместе с тем очень успешной предпринимательницей. Ее одежда не была особенно оригинальна, скорее это были реплики давно забытых идей, слегка переработанных и адаптированных к современной жизни. Она не уделяла внимания аксессуарам – этой палочке-выручалочке большинства модных домов, она даже не использовала эксклюзивные ткани, но ее маленький модный «заводик», запущенный когда-то, функционировал безотказно, поднимаясь в верхние модные эшелоны медленно и верно. Происходило это не благодаря новаторским идеям, а исключительно идеальному пошиву и умению творчески переосмыслить прошлое.

«Хотела бы я носить ее одежду?!» – этот вопрос я задавала себе бесконечно, наблюдая изнурительные репетиции дефиле. Девочки-модели, все бледные и уставшие, послушно вышагивали по подиуму, а Мурашова кричала на них и удивлялась вслух: «В этом агентстве что – все такие полудохлые клячи?! Они же даже дышать не могут нормально!» Она была несправедлива – манекенщицы работали хорошо, я это уже точно могла сказать. Порой мне казалось, что Марию Евгеньевну бесит их красота. Даже без косметики они были утонченными и интересными, каждая на свой манер. Мурашова в своей вечной черной одежде – дань мировому модному стилю – казалась неопрятной. Кстати, то обстоятельство, что почти все дамы, которые определяют что-то в моде, далеки от совершенства и подчас откровенно некрасивы, меня немало изумляло. Мне казалось, в этот бизнес должны идти люди привлекательной наружности. Красивым как-то веришь сразу, и прислушиваешься, и хочешь подражать. «Ну, сестра у меня хороша собой, и я – ничего, когда в нормальном расположении духа! – самонадеянно думала я про наш будущий семейный бизнес. – А еще в нашем Модном доме будут работать люди приятные и воспитанные. У нас не будут хамить и оскорблять».

Наблюдая за работой сотрудников и за тем, как Мурашова контролирует всю сложную схему, я представляла, как мы с сестрой откроем свой собственный бизнес.

– Я хочу, чтобы мы шили все. Весь ассортимент. И для мужчин, и для женщин. – Лида показывала мне огромный альбом, весь заполненный эскизами. – Смотри, хоть сейчас за работу! За эти годы я столько всего напридумывала. И даже сшила.

Действительно, Лида многие вещи отшивала в маленьких размерах, чтобы понять, есть ли у той или иной модели недостатки. Сестра часами рисовала, чертила выкройки, искала интересные ткани. Она, как и я, серьезно готовилась к нашему рывку. Наши роли мы поделили заранее – Лиду прежде всего интересовало творчество. Управление, координация, финансовые вопросы и реклама ее волновали мало. Я же могла быть полезна в этом качестве. У нас было идеальное сочетание, и мы обе с нетерпением ждали, когда подрастут ее близнецы.

Иногда я себя спрашивала, насколько я искренна в своем стремлении осуществить эту нашу мечту. Дело в том, что шить я не любила и не умела. Никаких восторгов относительно образов, которые может создать кутюрье, я тоже не испытывала. Мое отношение к этому делу было сугубо практическим. К тому же я беспокоилась о сестре. Получалось, что эта моя мечта была мечтой практичного человека, а в душе было что-то иное, чему я не давала воли.

Забегая вперед, скажу, что через три недели работы в «МаМур» мне захотелось оттуда сбежать куда глаза глядят – мир моды при ближайшем рассмотрении оказался весьма несимпатичным. То есть каждый в отдельности человек, с которым я имела там дело, был сам по себе хорош и приятен. Собранные в коллектив, отягощенные общей задачей и возглавляемые владелицей компании Марией Мурашовой, они представляли собой классический клубок змей. Было ли здесь дело в амбициях или в своеобразных методах управления – не знаю. Ясно было только одно – моя бы воля, я отсюда уволилась бы через месяц. Но я выполняла долг – мне нужно было знать, как устроен мир моды.

В «МаМур» огромный отдел трудился над пресс-релизами и сочинял эссе о творчестве Марии Мурашовой, об успехах на мировом рынке конфекции, о том, как принимали ее коллекции в Париже или Японии. Много сочинялось, но таковы законы жанра: не приукрасить – это значит не посолить обед. Все тексты, которые я писала, заверяла сама хозяйка, и каждый раз, возвращая с кучей замечаний мое творение, она приписывала фразу: «На собеседовании вы были оригинальнее!»

Почему она так прицепилась к тому разговору, я так и не поняла. Мне иногда казалось, что, даже если я напишу идеальный текст, все равно увижу хоть один возмущенный восклицательный знак и неизменную приписку на полях. Я не сдавалась – написать внятный рекламный текст за десять минут для меня не составляло труда. Иногда я вспоминала мое родное агентство, в котором управлял взбалмошный, но добрый и понятливый Анатолий Дмитриевич, и оно мне казалось чем-то вроде милой песочницы.

...Через полгода мне наконец открылось то, что было скрыто от постороннего взгляда и что объясняло многие события, а также эту нервную, недоброжелательную обстановку. В Доме моды было две «головы». Мария Мурашова – этот лидер, который был на виду, который брал на себя решение всех вопросов, начиная от хозяйственных до участия в том или ином мероприятии. И был еще один человек, который в статусе арт-директора определял творческую составляющую этого дела. Звали этого человека Калерия Петровна, или просто Лера Петровна. По слухам, при создании Дома моды именно Лера Петровна внесла большую часть необходимой для становления дела суммы. Теперь, спустя много лет, отношения между компаниями напоминали скорее войну, и у каждого полководца была армия и верные оруженосцы. Я соблюдала нейтралитет, насколько это было возможно. И потом, я помнила, как «оценила» меня Мурашова. Что и говорить, тогда мне была приятна ее похвала, пусть и такая куца. К тому же я, вникая все больше в ситуацию, понимала, что это именно Мурашова идет на компромиссы, чтобы сохранить и не делить этот бизнес. Она, как практик и умный человек, понимала, что, пока они вместе, пока они одно целое, они останутся величиной.

Лера Петровна вела себя иначе. Она всегда оставалась в тени и выступала тогда, когда было очевидно, что дело сделано и назад повернуть невозможно, да и незачем. Иногда казалось, что причина этого вмешательства не в желании улучшить, а исключительно испортить то, что уже сделано. Примеров такого неявного, якобы дружеско-коллегиального противостояния было предостаточно, но одна из ситуаций была особенно яркой и запомнилась мне тем, что именно в этот момент я определилась со своей позицией.

Тендер на пошив униформы, объявленный огромной государственной компанией, «МаМур» выиграла совершенно неожиданно. Во всяком случае, так выглядело внешне. Заказ был огромен, выгоден, и его выполнение позволяло Модному дому долгое время заниматься исключительно творчеством. Сотрудники ликовали вместе с владельцами – заказ повышал вероятность премиальных и вообще установлению мирной, спокойной обстановки, которая, в свою очередь, способствовала творческой работе.

– Поработали неплохо. Неделя отдыха – занимаемся другими делами, а потом, как раз бухгалтерия закончит все свои подсчеты и получит деньги, беремся непосредственно за пошив.

Неделю мы все били баклуши – подтягивали «хвосты» и заканчивали все то, что в погоне за выгодным заказом было отставлено и отложено. Мурашова впервые за долгое время позволила себе отпуск.

– Она больше, чем на три-четыре дня, никогда не отлучается. А тут – целый месяц! – гудел тихо офис.

Ровно через три дня после отъезда Марии Евгеньевны меня вызвала к себе Лера Петровна.

– Добрый день, – поздоровалась она и тут же поставила передо мной задачу. – Мне нужно, чтобы во всех изданиях, с которыми мы плотно работаем, появилась информация о нашем сотрудничестве с компанией Х. Надо, чтобы стало понятно, что над выполнением заказа по разработке и пошиву униформы мы работаем вместе.

Я молчала. Я точно знала, что эта самая компания Х никогда не имела никакого отношения к нам, к нашим заказам и уж тем более никак не способствовала тому, чтобы мы выиграли тендер.

– Вы меня поняли?

– Я поняла, но у меня нет достаточной информации, чтобы внятно и убедительно рассказать об этой совместной работе.

– Придумайте. Здесь действует правило «шаблона». Ну, например: «Давние партнеры по проектам таким и таким-то – компании А и Х решили не нарушать дружеских традиций и приступили к совместному выполнению заказа государственной корпорации... Ведущую роль в реализации заказа осуществляет компания Х». Проще простого, но не так скупое и сухо – а цветисто. Чтобы было красиво.

– Где можно взять материалы по этому сотрудничеству? – не сдавалась я.

Лера Петровна прищурилась:

– У себя в голове. Только там. Поищите и найдете. Было бы желание.

– Хорошо, я постараюсь. – Мне ничего не оставалось делать, как выйти из кабинета.

Придя к себе, я села за стол и задумалась. Вроде бы все проще простого. Мне было дано задание вышестоящим лицом. Вторым, а по сути первым, лицом компании. Я должна была, не задумываясь о причинах и последствиях, выполнить поручение в указанные сроки. Оставалось только бодро стучать по клавишам и сочинять легенду об отношениях компаний А и Х. Я же сидела и, не двигаясь, смотрела в одну точку, потому что мне предлагали писать вранье. Абсолютное, чистейшее вранье. Это не было похоже даже на приукрашивание, не было похоже на рекламный трюк, где порой вымысел так искусно переплетается с правдой, что становится самой правдой. Но это было еще не все – в этом задании я чувствовала подвох. Я чувствовала что-то, что нарушит и так неустойчивое равновесие между компаньонами. Это было не мое

дело, в это влезать было нельзя, но, исполнив это поручение, я, так или иначе, определяла, с кем я. А быть на стороне Леры Петровны мне не хотелось. Не потому, что я была в восторге от Марии Евгеньевны или ее методы руководства меня устраивали, не потому, что она брала меня на работу. Причина моей верности крылась совсем в другом – не Мурашова первая сделала шаг к разделению. А мне всегда было противно предательство и разрушение. Мне всегда было противно вероломство. За рекламной кампанией, которая последовала бы после моей статьи, я видела начало именно этого разрушительного и предательского процесса.

С некоторых пор модный дом «МаМур» стал ньюсмейкером, за новости о нем уже сражались многие издания, и вброс такой информации, которая обросла бы различного рода экономическими домыслами, произвел бы большой эффект.

– У тебя есть мобильный Мурашовой? – Я спустилась вниз к той самой секретарше, которая направила меня на собеседование.

Девушку звали Леной, и была она, по сути, очень доброй и порядочной. Только немного важничала на своем рабочем месте. За время работы в компании я поняла, что ей вполне можно доверять.

– Есть, но дать не могу. Запрещено. Только в самых экстренных случаях. И потом, она же не в командировке, а в отпуске! Сами понимаете...

– Считай, что экстренный случай... Беру ответственность на себя.

– Я боюсь, влетит.

– Если не дашь, влетит больше, поверь мне!

– Что-то случилось?

– Пока нет, и надо узнать, не случится ли что...

Лена протянула клочок бумажки.

– Спасибо, звонить буду со своего мобильного и в своем кабинете. – Я помчалась наверх.

Дозвонилась я только с третьего раза. Сто раз извинившись и сто раз повторившись, я рассказала о задании Леры Петровны. Меня слушали внимательно, не перебивая.

– Мария Евгеньевна, как мне поступить? Я почему-то не решалась запустить эту кампанию...

– И не запускайте. Она сейчас ни к чему... – Мурашова никак не прокомментировала поведение Леры Петровны – это было и понятно, я не та птица, перед которой она должна была открываться.

– Я могу официально отказаться, если поинтересуются состоянием дел?

– Это как сочтете нужным. Можете сказать как есть, можете потянуть резину до моего возвращения. Но буду я не скоро – у меня здесь еще дела.

Она закончила разговор, не дожидаясь моего ответа.

Я повертелась в своем кресле, потом выключила компьютер и спустилась вниз.

– Лена, спасибо, я дозвонилась. И очень правильно сделала.

Лена только улыбнулась и помахала рукой:

– Хорошего вечера, Анастасия Павловна.

Лера Петровна, судя по всему, отлично просчитала меня и вознамерилась добиться своего любой ценой. При этом она пренебрегла простым решением – перепоручить свое задание любому верному сотруднику моего отдела. Нет, она захотела «добить» меня. Теперь каждый мой рабочий день начинался в кабинете Леры Петровны.

– Поймите, ответ на этот вопрос я найду быстро, но мне надо, чтобы это сделал человек, которому я поручила это выполнить. Вы вздумали бунтовать?

– Нет, я просто не знаю, как лучше выполнить это задание. Всю информацию о нашем Доме читают внимательно, если я где-то ошибусь, могут пойти разговоры...

– Пусть вас это не волнует. Это не ваше дело. Не ваш бизнес.

«Увы, не мой. А потому и не собираюсь его разваливать. Пусть это делает кто-то другой!» – Мысленно я посылала Леру Петровну к черту.

На следующий день все повторялось вновь, словно компаньон Мурашовой проверяла меня на прочность. Я же показывала дурацкие тексты, придумывала отговорки, причины, что-то врала. Я боялась сказать все как есть, но не из-за себя, а из-за Мурашовой. Почему я тогда выгораживала таким образом Марию Евгеньевну, я не знала.

– Вы не хотите выполнять это поручение? Или не можете? Без проблем. Я поручу его другому. И оно будет сделано, – лопнуло терпение Леры Петровны.

На меня она посмотрела с усмешкой победителя.

– Да, я недостаточно подготовлена к таким объемным рекламным кампаниям. И...

– Вы свободны. Запомните, на рабочем месте ценятся готовность к выполнению задач и квалификация. У вас нет ни того, ни другого.

Я вышла из кабинета – очутиться на водоразделе интересов не самое приятное и продуктивное дело.

Пожарная сирена ожила внезапно. Резкий звук чередовался с неприятным бесполом голосом, который призывал сохранять спокойствие, утверждал, что ситуация под контролем соответствующих служб, и настоятельно рекомендовал при эвакуации взять с собой документы. Это последнее предложение резануло слух. Мне подумалось, что гораздо приятнее быть живой без документов, чем трупом с паспортом или, на худой конец, с магнитным пропуском в офис. Еще прислушиваясь к динамикам и лихорадочно пытаюсь найти свою сумку, я решила, что если сейчас спасусь, то никогда не буду больше играть в практичного, дальновидного и предусмотрительного человека. Посудите сами, какой прок делать стратегические запасы в кухонном шкафу, какой смысл покупать каждый раз лишнюю упаковку мыла и шампуня и целесообразно ли иметь дома набор семян свеклы и моркови (я где-то прочла, что в голодные времена самое дорогое – это посевной материал), так вот, имеет ли все это смысл, если я в ответственный момент не могу найти под столом второй туфель, собственный паспорт и первое, что кладу в карман, – помаду?

– Боярцева, что ты копаешься? Тревога, хоть и учебная, но все равно надо поспешить! – Сосед Димка протянул мне мой пропуск.

– А где он был?

– Ты чашку с кофе на него поставила. Пошли быстрее. Все уже эвакуировались. – Димка пригладил свои рыжие волосы цвета ольховой стружки. Именно стружки и именно ольховой. Цвет его волос был бледно-рыжий, с чуть неуловимым розовато-сероватым оттенком. Крупные завитки создавали на голове подобие мохнатой шапки. Димка был крупным, спокойным и, я бы сказала, ласковым человеком. Он никогда не кричал, не сердился, но любил крепкое словцо. Впрочем, матерился тоже ласково, с какой-то заботливой интонацией. Он был хорошим коллегой, и даже эта внезапная сирена и угроза опасности рядом с ним не была такой страшной.

Я наконец надела туфли, и мы по лестнице чинно спустились во двор нашего офиса. Там были уже все. Народ выглядел повеселевшим, бодрым, и на лицах читалась надежда, что эта чрезвычайная ситуация превратится в длительное чрезвычайное положение.

– А что, предупреждали, что будет учебная пожарная тревога? – закуривая любезно предоставленную Димкой сигарету, осведомилась я.

– Неделю об этом долдонили. И объявление на общей доске висело. Ты что, распоряжение по «империи» не читаешь?! – съехидничала Лена, заведующая отделом продвижения новой продукции.

– Читаю, только кроме чтения приказов у меня прорва других дел. – Эту самую Лену я очень не любила. Не любила за то, что в компании она чувствовала себя как рыба в воде. Как птица в небе и крот под землей. Словом, она как нельзя лучше вписывалась в установленный

и принятый в этом коллективе миропорядок. Мне же это давалось с трудом, я бы даже сказала с кровью и слезами. Но делать было нечего – я не просто так пришла сюда работать – у меня были свои тайные задачи, да к тому же на дворе свирепствовал очередной кризис, я не хотела остаться без работы. Я старательно не замечала неприятное и упрямо акцентировала свое внимание на редких позитивных моментах...

– И как долго мы будем здесь торчать? – Димка, тот самый, что нашел мой паспорт под чашкой с кофе и который помог надеть туфли, озирался в поисках свободного местечка на нашей зеленой лужайке. Но все было занято. – Боярцева, водки нам здесь не нальют, а потому пойдем вот на ту тумбу сядем, все лучше, чем на ногах стоять. – Он указал в глубь двора.

Все знали, что Димка любит выпить водочки и закусить горячей рыбной солянкой. Про солянку, которую готовит его мать, он мог говорить часами.

– Не нальют водки. И закусить не дадут, Дима, ты прав, – согласилась я с ним, – пойдем, сядем.

– Ты чего такая напуганная, словно у нас действительно пожар?

– Не напуганная, я все про ту историю думаю. Про компанию Х. – Я знала, что Димка посвящен в проблему.

– Что тут думать. Мы в том виде, в каком есть, доживаем последние денечки. Скоро нас разделят. Все к этому идет. Похоже, Лера сильнее. Она побеждает. Она давно создала компанию Х. Ей было необходимо, чтобы она ассоциировалась с успехами «МаМур». Компания Х была создана Лерой, она собиралась уйти из дела, захватив часть активов, и работать самостоятельно, но для начала нужны были реклама и имидж. Ты многого не знаешь, а дела творятся дурные. Жаль Мурашову. Она тетка противная, да только делу предана. Оно для нее как дитя.

– А для Леры нашей Петровны?

– Как падчерица, которую надо выгодно сбыть с рук. Разница налицо. Но мы все это увидим еще.

Пока мы болтали, наступил полдень. Многие в ожидании отбоя тревоги разлеглись на травке и почти дремали. Но вскоре раздался тот самый противный голос из динамика:

– Отбой пожарной тревоги. Можно вернуться на свои рабочие места.

– Слава богу, я уж думал, мы здесь заночуем. Ты не спеши. Это на час – пока все через наши магнитные турникеты пройдут. Пока свои физиономии в камеры сунут.

Мы сидели на своей тумбе и наблюдали, как народ выстроился в длинную послушную очередь.

– Ты посмотри, а очередь что-то не уменьшается? – Димка указал на людей, которые все так же толпились у дверей. – Пойдем посмотрим.

– Что это здесь такое? – спросили мы, подходя к гудевшей толпе.

– Сломались турникеты. Не срабатывают. Вернее, через раз. У одного нормально, у другого – нет.

– Я всегда говорил, что эта система фуфловая. Дорогая, но фуфловая. – Димка махнул рукой. – Теперь торчи здесь еще полдня.

У нас с некоторых пор стояли «рамки» с камерами. Они пропускали по «внешности», а потом еще и турникет открывался.

– Ну, мало ли сбой какой... – Я тоже устала и хотела уже оказаться в кабинете.

Но когда подошла моя очередь и я уставилась в камеру, она не сработала.

– Проходите сюда, к этим сотрудникам. – Охранник указал на толпу, которая ждала слева.

– Что за черт! И вы здесь, Анастасия Павловна! И вас не узнали! – кто-то весело меня окликнул. Но этот веселый смешок заглушил голос из динамика.

– Внимание! Всех, кого не идентифицировала камера, просим завтра подойти к корпусу два. Там вам будут выданы ваши личные вещи, оставшиеся на рабочих местах и документы об увольнении.

– Ух, ни фиги себе! – Димка, который, как и я, оказался в числе отсеянных, громко свистнул.

Глава 5

Начать сначала

– Нет, ты только вообрази?! Это же надо было такое придумать! – шепотом говорила Лида. Она сидела напротив меня на моем диване, а рядом спали близнецы.

– Сестра, а что тут такого удивительного? Грамотный прием в случае «развода» партнеров. А также в случае объявления военных действий. Ты только представь себе – Лера хочет уйти из бизнеса. Прежде всего надо испортить текущую работу и убрать людей, которые не на твоей стороне. А как уволить почти половину специалистов? Так, чтобы никто об этом не узнал. Чтобы никто не забил тревогу, чтобы не поползли слухи?! Только так, как она сделала. Я считаю, гениальное использование достижений технического прогресса.

– Сволочное и трусливое! – Лида, забывшись, повысила голос.

– Ну, не без этого. Хуже всего придется Мурашовой. Она вернется и найдет гнездо разворощенным и разграбленным.

– Да. Жаль.

– Очень. Она была противной, неприятной теткой, она была несправедливой и грубой, но она дралась за свой бизнес. Она его любила. И это вызывало уважение.

Мы помолчали. Случившееся выбило из колеи не столько своей сутью, сколько формой, недопустимой, оскорбительной и циничной. Нас всех, не только уволенных, но и тех, кто остался – тех самых «счастливчиков», которые успели показать лояльность второму компаньону, за людей не посчитали. Нас приняли за отару овец и, как овец, попросту разделили проволокой с низким электрическим разрядом. Нам не смотрели в глаза, ничего не объясняли и перед нами не извинились. Самое интересное, что я искренне считала, что в худшем положении были те, которые остались работать. Мы, оскорбленные, имели право и возможность на гнев, на свободное искреннее проявление чувств. Тем же достались страх, унижение и сознание собственной ничтожности.

– Ты о чем задумалась? – Лида посмотрела на меня.

– Я? Ни о чем. Я вообще не могу ни о чем думать. Устала.

– Ты прости, что я тебя туда толкнула. – Лида захлопала носом.

– Брось. Мы все правильно сделали. Мы теперь все, или почти все, знаем о том, как работает Дом моды. Хоть завтра открывай.

– Завтра еще нельзя. – Лида кивнула на спящих близнецов.

– Завтра нельзя не только поэтому. Завтра нельзя, потому что я очень устала. Я хочу хоть месяц отдохнуть. Лида, со времени нашего приезда в Москву у меня не было больше пяти дней отдыха. А работа в «МаМур» вымотала и вовсе. Стольких нервов это мне стоило!

– Господи, да конечно! Настя, у нас же есть деньги! Поезжай, куда хочешь! Насколько хочешь. Заработаем. Я вот такой заказ большой взяла – шью, когда малышня спит. Очень выгодный – чехлы для садовой мебели. Немного тяжеловатая ткань, но интересно! Мне даже пришлось в голову, что из такой ткани можно шить летние пальто. Очень стильно может получиться...

Я уже не слушала сестру. Я знала, что она меня поймет, прикроет, поддержит. Меня радовало, что с завтрашнего дня в голове не останется ни Мурашовой, ни Леры Петровны, ни странных порядков и манер этого заведения. Мне было хорошо оттого, что моя жизнь и мое время, мои силы теперь будут принадлежать только мне, моей сестре и моим таким крикливым племянникам.

– Завтра буду спать до двух дня. Потом поедем с тобой гулять в парк. С малышами.

– А может, тебе – на море? – Лида посмотрела на меня с сомнением.

– Нет. В Москве, в этой квартире, на этом диване. Если только он будет сухой. – Я указала на близнецов, которые начинали капризничать.

Да, мне не хотелось на море, а равно и в другие чужие края, где большинство людей, отвлекаясь на новизну пейзажа, стараются убежать и от повседневной жизни, и от своих проблем, и от себя. Мне не хотелось в родной город – с родителями контакт был потерян, мы с Лидой только помогали им деньгами и приезжали навести порядок в квартире. Моя родина не была тем местом, где я могла бы восстановить силы и обрести душевное равновесие. Скорее, наоборот. Из всех доступных мне мест оставалась только Москва. Город, который мы, как и остальные приезжие, приехали завоевать и который завоевал нас. В самые неприятные и тяжелые минуты лучше всего я чувствовала себя на его улицах. Мне было хорошо оттого, что время, отведенное для отдыха, я проведу здесь, среди суеты, спешки и толкотни. Но все это меня не будет касаться, а я буду выступать зрителем партера, который смотрит спектакль и не только слышит слова, но и ощущает запахи и тайные движения в кулисах.

Мое свободное утро началось рано – по привычке я завела будильник и подскочила резво, точно опаздывала. Я собралась, вышла из дома и зашла в первую кофейню. Там, под аппетитные сырники со сметаной и большую чашку кофе, я прочла все утренние газеты, даже те, о которых еще неделю назад ничего не подозревала, с интересом изучила биржевые котировки и сравнила шансы претендентов на президентское кресло одной небольшой африканской страны, посочувствовала эстрадной певице – ее жалобы на недостаток экологически чистых продуктов занимали почти разворот одного яркого издания, – пробежала глазами прогноз погоды и турнирную таблицу футбольного первенства. Я обнаружила, что мне вдруг стало интересно буквально все. Это было изумительное ощущение – мир казался необычайно широк, многообразен и страшно увлекателен. Я посмотрела в большое окно кофейни – там спешила улица, я же не торопилась, я выбирала свой сегодняшний путь и ощущала себя словно лошадь, выскользнувшая из упряжи. Передо мной лежала неизведанная, привлекательная жизнь почти свободного человека.

Потеря «упряжи», впрочем, сбивала с толку. Первую неделю меня кидало в крайности – Музеи Московского Кремля, кинотеатр «Иллюзион» – я восполняла пробелы кинематографического образования, библиотеки – непонятно зачем я заглянула в библиотеку консерватории. Затем пошли концерты и вечера симфонической музыки в зале им. Чайковского. Домой я буквально приползала и, падая на диван, засыпала в одно мгновение.

– Настя, ты когда в гости к нам приедешь? Может, погулять вместе сходим? – робко заикнулась как-то сестра по телефону.

Я помнила свое обещание, данное Лиде о прогулках с детьми. Но пока мне никто не был нужен. Мне было хорошо одной – я получала удовольствие от всего, на что раньше у меня не хватало времени или сил.

– Когда мы увидимся? – Мой молодой человек, который был совсем немолодым, робко кланчил у меня свидание.

Я смеялась в ответ и переносила встречу. Он был хороший и, наверное, был влюблен в меня, но он не мог понять, что женщине, которая всю сознательную жизнь борется с обстоятельствами, нужно одиночество, то есть время, которое подпитывает ее, подзаряжает. Любое общение в такие периоды приводит лишь к трате энергии. Я не могла это точно сформулировать, я не могла это никому объяснить – я просто выключила свой телефон. Это было мое время, и такую роскошь я хотела потратить только на себя.

Через две недели я проснулась с ощущением, что силы меня переполняют. Что все увиденное мною, все что я узнала, все что услышала требует осмысления. Все увиденное мной и услышанное дало толчок к тому, чтобы я подумала наконец о себе, о своей сущности, о том, что я такое и кем я бы могла стать. Это был анализ предыдущей жизни и мечта о новой, гря-

душей, которая, так или иначе, должна была отличаться от всего, что было. И опять мне показались лишними люди. И опять мне захотелось одиночества, только уже в своем доме, среди предметов, ставших любимыми и привычными.

– Сестра, ты совсем пропала! – Лида, обеспокоенная моим молчанием, звонила чуть ли не каждый день.

– Со мной все нормально, просто сейчас так надо.

– Смотри, как знаешь. – Лида немного обижалась, но потом снова начинала звать в гости и соблазнять разносолами.

Я сидела затворницей и копила силы, я чувствовала, что это время не пройдет даром.

Именно тогда я поняла, что свобода, чего бы она ни касалась – времени ли, мысли, действий, – это великая вещь, она рождает другого человека, сильного и уверенного в себе, не боящегося перемен.

– Лида, пойду-ка я учиться, – огорошила я сестру однажды утром. – Я ведь неуч. Одиннадцать классов – этого мало, сама понимаешь. У меня есть навыки, но нет системных знаний ни в одной области. И вообще, в наше время без образования...

– Иди, конечно, – согласилась Лида. – Может, в мой институт? Там есть коммерческое отделение, экономический курс. Как раз по профилю. Не забывай о нашей с тобой договоренности.

– Не забываю, – заверила я, отметив про себя, что целеустремленные люди слегка эгоистичны. И сестра моя в этом смысле не исключение.

Просидев над справочниками, я выбрала два похожих коммерческих вуза, съездила на разведку и решила, что весной пойду изучать экономику и делопроизводство в сфере бытовых услуг. Не самая веселая тема, но я понимала, что рано или поздно знания в этой области мне понадобятся.

– Думаю, что у вас есть шансы, – сказали мне в приемной комиссии. – До экзаменов можете походить на подготовительные занятия. Стоят они не очень дорого.

Сколько бы они ни стояли, а на работу мне нужно было устраиваться без промедления, считала я. К тому же стоило прикинуть, во сколько мне обойдется моя образовательная затея и сколько я потратила за почти полтора месяца безделья.

– Возьми из отложенных денег. – Лида видела мою озабоченность.

– Нет, дорогая, мы даже в самые тяжелые времена не трогали эти деньги. А потом, сколько можно отдыхать? Все равно надо искать работу.

– А вернуться к Анатолию Дмитриевичу не хочешь? Он тебя возьмет.

– Нет, не хочу. Там хорошо было, но это уже пройденный этап. И потом я знаю, что там сейчас нет мест. – Я действительно знала ситуацию с кадрами на прежней работе.

– Тогда самое простое – объявление о вакансиях и знакомые. Я поспрашиваю...

Я не волновалась. Я знала, что через недели две или три я буду работать – Москва не тот город, в котором можно остаться безработным. При условии, конечно, что ты не капризничаешь и реально оцениваешь свои шансы. Я свои оценивала как раз реально – несмотря на то, что мне везло и что до этого я занимала вполне солидные должности и получала очень неплохие деньги. Полная оптимизма, я принялась ходить на собеседования.

Наша с Лидой мама всегда говорила, что самое верное – это ждать от жизни гадость. Если твои ожидания оправдаются – ты не очень расстроишься, если не оправдаются – будешь вдвойне рад. В Москве я напрочь забыла домашнюю мудрость и уже через месяц бесплодных поисков работы была на грани паники.

– Слушай, Игорь может поговорить у себя на работе, может, там есть что-то... – Сестра не на шутку стала переживать.

– Нет, спасибо... Я еще попытаюсь что-нибудь сделать сама, – отказалась я, убежденная, что рискованно так близко сходить с семьей сестры. Начнутся недомолвки, тайное недоволь-

ство, и в результате такие хорошие отношения будут испорчены. И потом... потом мне хотелось быть самостоятельной – так было всегда, так должно было быть и в этот раз.

Волноваться я начала через полтора месяца. Срок вроде бы небольшой, но мои обстоятельства меня подстегивали – заканчивались деньги на жизнь, и приближалось время, когда следовало платить за подготовительные курсы. Еще я хотела проведать родителей, а для этого нужно было купить продуктов, все необходимое для хозяйства и отложить деньги для соседки – та иногда им помогала. Все это меня начинало волновать, а самое главное – дома я стала себя чувствовать неудобно. Были очень неприятными ощущения ученика, прогуливающего уроки – нудность бесцельного времени, невозможность сосредоточиться, страх наказания и угрызения совести. Примерно раз в два дня я выезжала на собеседования. После этого мне становилось чуть легче, но к вечеру я уже очень четко понимала, что мне откажут. Непонятно, как я это угадывала, но ни разу не ошиблась в предчувствиях. Перед Лидой я держалась уверенно – во-первых, не верилось, что не найду работу, а, во-вторых, опять же привыкла быть опорой, а опора должна быть прочной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.